

Прогулка по лесам

Автор:

Билл Брайсон

Прогулка по лесам

Билл Брайсон

На грани возможного. Дикие истории экстремальных путешествий

Размеренная жизнь на диване точно не для Билла Брайсона, даже на старости лет. Почувствовав, что жизнь стала приобретать скучные тона, он решается на путешествие по Аппалачской тропе, вдоль восточного побережья Америки, которая манит туристов со всего света своими пейзажами широколиственных лесов. Получив, не без трудностей, благословение жены и найдя себе спутника для этой авантюрной затеи, Билл отправляется в путь длиной 3379 км, где помимо захватывающих видов лесов и гор ему придется столкнуться с медведями, дикими кабанами, нехваткой воды и пропитания, но самое главное – остаться живым в течение этого нелегкого, но захватывающего пути.

Билл Брайсон

Прогулка по лесам

A Walk in the Woods

Copyright © Bill Bryson, 1997

© Перевод. Тортунова Е. С., 2016

* * *

Среди самых известных книг Билла Брайсона значатся «Затерянный континент», «Ни тут, ни там», «Записки с маленького острова», «Прогулка по лесам» и «Другой конец света». А его книга по истории науки «Краткая история почти всего» вошла в шорт-лист премии Сэмюэля Джонсона и получила премию «Авентис» в номинации «книги о науке» и премию Декарта. Весьма популярны у читающей публики его книги о языке, такие как «Родной язык», «Сделано в Америке» и «Проблемные слова». Из его последних работ стоит отметить «Жизнь и время Громового парня» и «Дома».

Первой строкой Билла Брайсона было:

«Я приехал из Де-Мойна. Кто-то же должен был это сделать».

Вот что за этим последовало.

«Затерянный континент».

Путешествие по одноэтажной Америке открывает мир прилагательного «брайсоновический».

«Очень смешная книга с хорошим языком».

literary review

«Ни тут, ни там»

Европа не казалась смешной, пока на нее не взглянул Билл Брайсон.

«Очень смешно вы-будете-хохотать-пока-не-зарыдаете».

daily telegraph

«Краткая история почти всего»

Путешествия через время и пространство объясняют мир, вселенную и все остальное.

«Правда впечатляет... Сложно представить лучшее объяснение науки».

guardian

«Записки с маленького острова»

Панегирик любимой Британии Брайсона, которую он запечатлел как страну изумрудного цвета.

«Не та книга, которую можно читать на людях – вдруг вы будете громко фыркать».

the times

«Прогулка в лесу»

Тяжелый поход Брайсона по Аппалачской тропе, самой длинной тропе в мире.

«Это серьезно очень смешная книга».

sunday times

«Сделано в Америке»

Поездка по шоссе 66 американского языка и поп-культуры позволяет вам заглянуть стране «под кожу».

«Удивительно хорошая работа, полная жизни, энергии и прочих великолепных американских особенностей».

independent on sunday

«Записки из большой страны»

Брайсон включает все остроумие, чтобы показать самую странную вещь – американский жизненный уклад.

«Не только смешно, но еще и информативно».

independent on sunday

«Другой конец света»

Удивительное путешествие в сердце еще одной страны – Австралии.

«Брайсон – лучший попутчик. Если речь идет об особенных путешествиях, у него нет соперников».

the times

«Жизнь и время Громова парня»

Настоящий Брайсон – смешное, трогательное и глубокое путешествие по его детству.

«Он может дать почувствовать вкус прошлого одним словом».

sunday telegraph

«Дома»

Путешествуя по собственному дому, Брайсон рассказывает о том, как мы живем.

«Удивительная глубокая работа... не выходите из дома без этой книги».

sunday telegraph

«Книга Билла Брайсона – отличный пинок под зад: поднимайся с дивана, ставь перед собой цель и иди к ней, воспринимая любые трудности на пути с чувством юмора».

Вероника Далецкая, главный редактор клуба «Моя Планета»

«Если вы не можете отправиться в путешествие прямо сейчас, то лучший способ уединиться на природе – прочесть книгу "Прогулка по лесам"».

The New York Times

Глава I

Решение принято

Вскоре после того как мы с семьей переехали в маленький город в Новом Гэмпшире, где-то на самой окраине города я набрел на тропинку, которая исчезала в лесу.

Как оказалось (об этом сообщал специальный указатель), это была не обычная тропинка, а знаменитая Аппалачская тропа. Эта тропа, бегущая 3379 км вдоль восточного побережья Америки через безмятежные и манящие Аппалачские горы, является, если можно так выразиться, прабабушкой всех походных тропинок. Только одна ее часть, которая проходит через Вирджинию, в два раза длиннее, чем весь пешеходный маршрут Пенни Уэй. Она идет от Джорджии до Мэна, проходит через четырнадцать штатов среди небольших холмов, чьи названия – Голубая Гряда, Дымки, Земля Препятствий, Кошачьи Тропы, Зеленые горы, Белые горы – сами по себе являются настоящим приглашением к прогулке. Кто может сказать: «Великие Дымные Горы» или «Долина Шенандоа» – и не почувствовать желания, как однажды выразился натуралист Джон Муир, «взять буханку хлеба, фунт чая, положить их в старую сумку и перепрыгнуть через забор»?

И вот она – эта легендарная тропа – неожиданно появилась передо мной, причудливо извиваясь в том самом месте Новой Англии, где я теперь жил. И это было удивительно. Ведь я мог выйти из дома и, попав в Джорджию, пройти 2900 км через леса, или повернуть в другую сторону и, пройдя через каменистые и обрывистые Белые горы, попасть к знаменитому подъему на гору Катадин, которая парит в 720 км к северу, в тех местах, до которых вообще мало кто добирался. Именно поэтому какой-то голос, внезапно зазвучавший у меня в голове, сказал: «Звучит славно. Пошли!»

Я быстренько прикинул, что такая прогулка легко приведет меня в форму после многих лет серьезно отразившейся на фигуре диванной аналитики. Поэтому я решил, что это будет полезно, хотя еще не очень понимал, каким образом, но все-таки был в этом уверен. «Например, я научусь выживать», – подумал я, вспомнив, что, когда в какой-нибудь забегаловке ребята в камуфляжных штанах и охотничьих панамах начинали говорить о том, что они такого мужественного делали в лесах, я чувствовал себя просто овощем. И тут мне безумно захотелось пережить то самое мгновение, когда вы стоите на скале, смотрите на горизонт, прищурив глаза цвета стали, и говорите медленно и мужественно: «Да, я кое-что испытал...»

Была еще одна причина. Аппалачи – дом одного из самых больших широколиственных лесов в мире. Это последний островок хорошо сохранившегося леса с богатой и разнообразной флорой и фауной. Но и он находится в опасности. Если в ближайшие пять десятков лет температура на планете поднимется всего на 4 °С, что вполне вероятно, то вся природа вокруг Аппалачей превратится в саванну. Уже сейчас деревья здесь погибают тысячами. Вязы и каштаны вымерли много лет назад, величественные болиголовы и цветистые кизилы тоже скоро исчезнут, да и красные ели, сосны Фрейзера, гикори, рябины и клены могут последовать за ними. Подумав обо всем этом, я понял, что лучшего времени для исследования этих мест мне не представится. Надо осуществить свой поход прямо сейчас.

Что я и надумал проделать. Вскоре я принял окончательное решение и объявил о нем друзьям и соседям, а также тайно проинформировал издателя. Короче, сообщил о нем всем, кто меня знал. Затем я купил несколько книг и поговорил с людьми, которые прошли этот путь целиком или частями. И только тогда медленно, но верно начал осознавать, что это дело является куда более (намного более) серьезным, чем все, что я делал раньше.

Почти все, с кем я говорил, рассказывали о каком-нибудь простодушном знакомом, который, вооружившись большими надеждами и новыми ботинками, смело отправился в путь, но уже через два дня оказался в лесу с рысью на голове или, истекая кровью из пустого рукава, перед тем как потерять сознание, успел на последнем дыхании прошептать: «Медведь!»

Эти леса были полны опасностей – гремучих змей, водяных ужей и щитомордников; рысей, медведей, койотов, волков и диких кабанов; чокнутых деревенщин, родившихся в результате многих поколений абсолютно противоречащего библии секса, происходившего исключительно под действием огромного количества алкоголя; бешеных скунсов, енотов и белок; безжалостных огненных муравьев и прожорливой мошки; ядовитого плюща, не менее ядовитых кустов сумаха, ядовитых саламандр; лосей, зараженных червями-паразитами, которые свили гнездо в их мозгах и сбили их с толку, заставив бежать через солнечные луга к далеким озерам.

Знаете, абсолютно невероятные вещи случаются с вами в лесу. Я, к примеру, слышал о человеке, который вышел из палатки в полночь, чтобы пописать, и стал объектом нападения близорукой совы, а посему свой собственный скальп он в последний раз увидел на фоне полной луны. Я слышал о девушке, которая

проснулась от загадочной щекотки в районе живота, полезла к себе в спальник, чтобы выяснить, что бы это значило. И внезапно обнаружила там очаровательную мокасиновую змею, мирно дремлющую в тепле ее тела. Я слышал четыре разные истории (всегда связанные с какими-то шутками) о том, как туристы и медведи ненадолго оказывались в одной палатке, где испытывали удивительно яркие ощущения. Слышал о людях, испепеленных («от них ваще ничего не осталось!») молниями в разгар бури на вершинах горных хребтов, о палатках, придавленных падающими деревьями, и о том, как люди скользили с обрыва на шарикоподшипниках из града, оказываясь в итоге на самом дне долины, как людей смывало стеной воды, а еще я слышал о бесчисленном количестве путешественников, последним воспоминанием которых была трясущаяся земля и внезапная мысль: «Что за бред?»

Мне потребовалось лишь вспомнить о тех приключенческих книгах, что я прочел подростком, и совсем немного воображения, чтобы представить, как я стою в кругу голодных волков, страдаю от нашествия огненных муравьев, или как я оцепенел от ужаса при виде ожившего подлеска, приближающегося ко мне со скоростью торпеды, а потом меня утягивает назад кабан размером с диван, с холодными пустыми глазами, с жутким голосом и нагулянным аппетитом, относящимся к розовой, пухлой городской плоти, той самой, которую я из себя представляю в его понимании.

К тому же в лесах кишмя кишат всяческие жуткие болезни: кишечная лямблия, восточный лошадиный энцефалит, пятнистая лихорадка Скалистых гор, клещевой боррелиоз, хеликобактер пилори, моноцитарный эрлихиоз, бруцеллез, шистосомоз и шигеллы, и еще множество еще менее приятных. Возьмем, к примеру, такую «замечательную» вещь, как восточный лошадиный энцефалит, который переносят москиты, тот, что весьма отрицательно влияет на наш мозг и центральную нервную систему. Если повезет, вы можете надеяться на сидячую жизнь со слюнявчиком на шее, но, скорее всего, эта штука вас просто убьет. А лекарства от него, увы, еще никто не придумал. Не менее ужасен и клещевой боррелиоз, который переносят черноногие клещи размером меньше булавочной головки. Если его вовремя не распознать, он может спать в человеческом теле на протяжении многих лет, а потом проснуться вкупе с целым букетом заболеваний. Это отличный вариант для тех, кто хочет попробовать все болезни сразу. Все начинается с головной боли, усталости, лихорадки, дрожи, нехватки дыхания, головокружения и стреляющих болей в конечностях, потом появляется сердечная недостаточность, лицевой паралич, спазмы в мышцах, сильные ментальные нарушения, потеря контроля за телесными функциями и, что совершенно не удивительно в таких обстоятельствах, хроническая депрессия.

Еще есть такая малоизвестная семья организмов под названием хантавирусы, которая роится в испарениях над фекалиями крыс и мышей. Они попадают в дыхательные пути любого, кто случайно сделает вдох в неподходящем месте. Например, если решит прилечь или положит спальник там, где инфицированная мышь недавно справила нужду. В 1993 году внезапная вспышка хантавируса убила 32 человека на юго-западе США, а на следующий год появилась его первая жертва на Аппалачской тропе – турист подхватил болезнь, поспав в «зараженном грызунами укрытии» (вообще-то все укрытия на Аппалачской тропе заражены грызунами). Если говорить о вирусах, то среди них смертельны только бешенство, Эбола и СПИД. От них лечения не существует.

Ну и наконец, так как это Америка, вас в любой момент могут убить. С 1974 года только на тропе были убиты минимум девять туристов (число зависит от того, что вы читаете и кого вы считаете туристом). Кстати, пока там бродил я, на тропе были убиты две девушки.

По некоторым причинам, в основном связанным с длинными суровыми зимами Новой Англии, для прохождения тропы в году пригодны лишь несколько месяцев. Если начать с севера, с горы Катадин в Мэне, то схода снега придется ждать до конца мая или даже до июня. Если же вы начинаете свое путешествие из Джорджии и направляетесь на север, вам обязательно нужно закончить поход до середины октября, когда вновь выпадет снег. Большинство же людей идут с юга на север, опережая на шаг жаркую погоду, из-за которой оживают самые болезненно кусающиеся и заразные из насекомых. Я же собирался выйти в путь с юга в начале марта. На первый этап своего путешествия я отвел шесть недель.

Точная длина Аппалачской тропы до сих пор никому не известна. Управление национальных парков США, которое постоянно выделяется из толпы своими странными выходками, регулярно выпускает брошюрку, где указанная длина тропы составляет от 3268 до 3540 км. Официальные путеводители по Аппалачской тропе (набор из одиннадцати книг), в каждом из которых говорится об определенном месте или о штате, сообщают, что ее длина равна 3450, 3455, 3474 и более 3460 км. Конференция по Аппалачской тропе (чтобы вы понимали – это главный управляющий орган) в 1993 сообщила, что длина тропы равна 3454,7 км, потом пару лет придерживалась длины в «более 3460 км», но недавно вернулась к уверенному 3484,7 км. Примерно в то же время на основании точнейших карт Геологического общества США было установлено, что длина тропы составляет 3409,1 км.

Какой из всего этого вывод? Только тот, что точно известно лишь одно – это долгий путь, да и простым его никак не назовешь. И хотя вершины на Аппалачской тропе не так впечатляющи, как американские горы (например, Клименгс-Дом в Теннесси, высотой в два км), но все-таки достаточно высоки и к тому же постоянно возникают на вашем пути. На тропе находится более 350 вершин высотой больше полутора километров, и, наверное, около тысячи пониже. Таким образом, за неделю вы можете преодолеть целых пятьдесят Сноудонов, а это, как вы помните, самая высокая гора в Великобритании. И в целом, чтобы пройти весь путь, вам понадобится примерно пять месяцев и пять миллионов шагов.

А еще на Аппалачской тропе вам придется на собственной спине тащить все, что вам нужно. Для кого-то это ясно с самого начала, но для меня осознание того, что это совершенно не будет похоже на поход по Озерному краю, где ты берешь с собой на день контейнер с обедом и книжку, а вечером уже отдыхаешь в веселой таверне, стало настоящим шоком. А еще здесь придется спать на улице и самому готовить себе еду. А еще – все свое тащить с собой. Но, как оказалось, мало кто способен нести на себе больше 18 кг. А когда вы несете такой вес (уж поверьте), то ни на секунду о нем не забываете. Одно дело – пройти 3500 км, и совсем другое – пройти их с гардеробом у себя на спине.

Я впервые начал понимать, насколько устрашающим окажется мое мероприятие, когда пошел в местный магазин снаряжения Dartmouth Co-Op закупаться всем необходимым. Мой сын как раз получил там работу, так что мне было сказано вести себя прилично. Понятно, что я не собирался говорить или делать что-то бессмысленное, не собирался также выдавать свою неосведомленность, сильно засомневавшись в адекватности продавца после осознания цены продукта. Я не собирался специально изображать невнимательность, пока продавец рассказывает мне о том, что, собственно, делать с товаром. И наконец, я абсолютно не планировал примерять на себя что-то совсем неподобающее (типа женской лыжной шапочки) для того, чтобы развеселить окружающих.

Мне сказали спросить Дейва Менгла, потому что он прошел большую часть тропы, а посему являлся ходячей энциклопедией по выживанию. Добрый и вежливый Менгл мог, не останавливаясь и с огромным интересом, говорить о походном снаряжении дня четыре.

Я никогда не был так впечатлен и одновременно озадачен. Весь день мы бродили по его складу. Он говорил что-то типа: «Этот продукт сделан из плотной непромокаемой ткани с рипстоповой заглушкой из армированной нити. С другой стороны, тут я врать не буду (и он наклонялся ко мне, понижая голос до максимально интимного), швы проклеены, а не пройдены косой бейкой, а тамбур несколько слабоват».

Я думаю, что когда я сказал, что ходил в пару походов в Англии, Дейв решил, что я компетентен в подобных вопросах. Мне же не хотелось напрягать или разочаровывать его, поэтому, если он спрашивал: «Что думаешь о палатках из углеродного волокна?», я покачивал головой и печально хмыкал, показывая, что вопрос этот вечен, а после произносил: «Знаешь, Дейв, я никогда не мог нормально сформулировать свои мысли по этому поводу. Что сам думаешь?»

Мы обсудили и разложили по полочкам все достоинства и недостатки боковых ремней на рюкзаке, а также компрессионных ремней и внешних крепежей к рюкзаку, а еще внешних крепежей для тяжелых вещей и термобелья, спасательных петель для альпинизма и чего-то, что называлось «соотношением затылочного выреза». Так мы обсуждали каждый из предметов. Даже алюминиевый набор для готовки подвергся тщательному рассмотрению с точки зрения его веса, компактности, термодинамики и остальных качеств. Поэтому понятно, что это могло занять Дейва на несколько часов. Между диалогами об оборудовании мы обсуждали походы вообще, в основном то, как себя вести в чрезвычайных ситуациях типа камнепада, нападения медведей, взрыва горелки и укуса змеи, о которых Дейв говорил с определенно затуманенным взором.

Помимо этого мы много говорили о весе. Мне раньше казалось каким-то выпендрежем предпочитать один спальник другому, потому что он весил на сто грамм меньше, но когда я понял, сколько оборудования мне придется брать с собой, то очень хорошо осознал, что эти самые граммы в итоге превращаются в килограммы. Я вовсе не собирался так много покупать. У меня уже были туристические ботинки, швейцарский армейский нож и пластиковый чехол для карты, который можно повесить на шею. Поэтому я был уверен, что вполне подготовлен к походу. Но чем больше я говорил с Дейвом, тем больше понимал, что мне надо основательно закупиться.

А главное, меня очень сильно удивили цены. Каждый раз, когда Дейв уходил на склад или отходил, чтобы уточнить уровень плотности, я бросал взгляд на ценники и все время приходил в ужас (особенно учитывая, что покупка одного

оборудования обязательно влекла за собой покупку другого оборудования). Если ты покупал спальник, надо было брать компрессионный мешок, а он стоил 29 долларов. В общем, мне это показалось слишком сложным.

После долгого раздумья я остановился на рюкзаке (очень дорогом, очень хорошем, потому что «не-стоит-на-таком-важном-деле-экономить на рюкзаке»). И тут Дейв спросил:

- Какие крепления тебе нужны?..

- Прости? – сказал я и вдруг осознал, что был близок к состоянию, которое называется шопинг-лихорадкой. Вряд ли бы я сейчас смог беспечно сказать: «Давай-ка полдесятка вот этих, Дейв. И вот этих штук восемь. Хотя нет, давай десять. Гулять так гулять!» Гора вещей, которые всего минуту назад выглядели так привлекательно и интересно, потому что все они были новые и все мои, внезапно показалась мне избыточной и экстравагантной.

- Ремни, – объяснил Дейв, – знаешь, чтобы спальник привязывать и все такое.

- Что, тут нет таких ремней? – спросил я новым, совсем тихим голосом.

- М-м-м, нет, – он посмотрел на гору товаров и коснулся пальцем носа, – тебе еще непромокаемый чехол бы не помешал.

- Чехол? Зачем? – И я с недоумением моргнул.

- Чтобы от дождя защититься.

- А что, рюкзак промокает?

Он состроил такую гримасу, словно бы искал очень мелкие отличия:

- Ну-у, не то чтобы промокает...

Для меня это прозвучало удивительно.

– Правда? Производитель не понимает, что люди вообще с рюкзаками на улицу ходят, а иногда и в поход берут? Сколько вообще такой рюкзак стоит?

– Двести пятьдесят долларов.

– Двести пятьдесят? Вы в своем у... – Я на секунду остановился и продолжил уже спокойнее: – Дейв, ты говоришь, что я плачу 250 баксов за рюкзак, а он промокает и к нему ничего не прикрепишь?

– Дейв кивнул.

– Там хоть дно есть?

Дейв натянуто улыбнулся. Он был не из тех, кто мог устать, вращаясь в удивительном мире походного оборудования.

– Ремни производятся в шести цветах...

В итоге я приобрел столько оборудования, что можно было бы дать работу целой деревне шерпов, затерянных в далеких уголках Непала. Я заполучил теплую палатку, самонадувающийся коврик, походный котелок, или точнее кан, и термopосуду, складывающиеся приборы, пластиковые тарелку и чашку, сложносочиненный водоочиститель, разноцветные компрессионные мешки, веревку, бутылки для воды, водонепроницаемое пончо, водонепроницаемые спички, влагозащитный чехол на рюкзак, достаточно стильный брелок для ключей с компасом и термометром, маленькую плитку, которая выглядела не очень впечатляюще, газовый баллон, налобный фонарик, как у шахтеров (очень мне понравился), большой нож для того, чтобы убивать медведей и агрессивных местных, утепленные кальсоны и куртку, четыре банданы и кучу прочих вещей, о назначении которых мне пришлось снова спрашивать всезнающего Дейва. Однако прошу заметить, я не купил водонепроницаемую дизайнерскую подстилку за 59,95 доллара, потому что в K-mart можно было купить ткань для сбора листьев за пять баксов. Я отказался от набора первой помощи, от набора для шитья, от набора от укусов змей, от двенадцатидолларового свистка и маленькой оранжевой лопатки для закапывания какашек, потому что все эти вещи были не очень нужны, слишком дороги или просто смешны. Но при этом я краем уха услышал, как особенно громко кричала оранжевая лопатка: «Лошара! Чайник! Перед вами стоит ГОРОДСКАЯ КРЫСА!!!»

Затем, просто чтобы уже закончить, я пошел в местный книжный и купил необходимые для моего самообразования книги. Это были: «Справочник настоящего путешественника», «Прогулка по Аппалачской тропе», несколько книг о флоре, фауне и естественных науках, книга о геологической истории Аппалачской тропы за авторством Коллинса Чу, а также полный набор путеводителей по Аппалачской тропе из 12 книжек в бумажных обложках и 59 карт разных размеров, стилей и масштабов, которые показывали всю тропу от горы Спрингер до горы Катадин. Все это обошлось мне в каких-то 233 доллара и 45 центов. На пути к выходу я заметил книгу: «Нападения медведей: как их избежать», открыл ее наугад и сразу увидел фразу: «Вот очевидный пример ситуации, в которой черный медведь видит человека и решает убить и съесть его». После чего, естественно, я бросил книжку себе в корзинку.

Я привез все купленное домой и в несколько ходок перетащил в подвал. Всего было очень много, и большинство вещей было мне незнакомо, так что это вызывало у меня как восхищение, так и недоумение. Если совсем честно, в основном – недоумение. Я надел налобный фонарик (просто так) и поставил на полу палатку. Я развернул самонадувающийся коврик, запихнул его внутрь и положил на него спальник. Затем я сам заполз туда и долго лежал, привыкая к дороговому, новому, странно пахнущему пространству, которому предстояло стать моим домом. Я пытался представить, как лежу не в подвале, прислушиваясь к привычному шуму батарей, а снаружи, высоко в горах, слыша ветер и шум деревьев, одинокий вой собакоподобных существ и хриплый голос, который вопрошал кого-то: «О, Вирджиль, вот еще турист. Веревку взял?» Но так ничего и не представил.

Просто я не был в подобном месте примерно с того момента, как перестал делать укрытия из одеял, то есть лет с девяти. Тут было вполне уютно, и как только ты привыкал к запаху, который, как я надеялся, со временем развеется, и к тому, что внутри все окрашивалось в зеленоватый цвет, как будто освещалось экраном радара, становилось вполне сносно. Немного тесно, немного вонюче, но даже уютно.

«Все не так уж и плохо», – сказал я себе. Но где-то глубоко внутри я знал, что ошибаюсь.

Глава II

Старый добрый Кац

В полдень 5 июля 1983 года трое взрослых и группа подростков разбили лагерь в достаточно популярном месте рядом с озером Канимина в сосновых лесах западного Квебека. Это примерно в ста километрах к северу от Оттавы, в парке заповедника Верендрай. Они приготовили ужин, а после этого, как и положено, уложили еду в сумки и отнесли ее на примерно полторы сотни метров в лес, где подвесили над землей между двумя деревьями – чтобы медведи не достали.

Примерно в полночь к окраине лагеря пришел медведь гризли. Он унюхал мешок с едой, забрался на одно из деревьев, сломал ветку и достал еду. Медведь убежал вместе с едой, но через час вернулся и вошел в лагерь, привлеченный, скорее всего, запахом жареного мяса, который впитался в одежду и волосы подростков, а также в ткань палаток и спальников. Для лагеря это была долгая ночь. С полуночи до половины четвертого медведь приходил в лагерь трижды.

Представьте себе, если можете, как вы лежите в темноте один в маленькой палатке, между вами и холодным ночным воздухом находится всего несколько микронов нейлона и вы слушаете, как огромный медведь бродит по вашему лагерю. Представьте себе его тихое ворчание и непонятное шуршание, перестук опрокидываемых канов и мисок, влажное причмокивание, тяжелое дыхание, шорох его шерсти по вашей палатке. Представьте волну накрывающего вас адреналина, представьте, как начинают трястись руки, когда медведь мордой задевает палатку, а еще представьте себе пугающую дрожь вашего хрупкого убежища в тот момент, когда медведь пытается добраться до рюкзака, стоящего в тамбуре. И тут вы в ужасе вспоминаете, что оставили в кармане «Сникерс». А вы слышали, что медведи обожают «Сникерсы».

И вдруг непрошенная мысль: а что, если вы взяли этот самый чертов «Сникерс» с собой в палатку, что он где-то тут, под ногой или в кармане, или... О черт, вот же он! Еще раз его голова касается палатки, и вы слышите ворчание прямо около своего плеча. Палатка содрогается. Тишина, долгая тишина, и – подождите, тихо... «Да!» – вы с облегчением осознаете, что медведь ушел в другую часть лагеря или даже в лес. Я вам прямо сейчас честно скажу, что я бы такого не вынес.

Представьте, как страшно было бедному двенадцатилетнему Дэвиду Андерсону, когда в половине четвертого ночи в третий раз пришел медведь и разорвал его палатку взмахом когтя, привлеченный дивным, невероятным запахом гамбургера, затем схватил мальчика за дрожащую руку и протащил его по всему лагерю в лес. За те несколько минут, пока товарищи мальчика выскакивали из палаток (представьте, как они вылезают из перекрученных спальников, хватают фонарики и дубинки, открывают палатки трясущимися пальцами и бегут за медведем), Дэвид Андерсон уже умер.

А теперь представьте себе, что вы читаете документальную книжку, переполненную такими историями, кстати, самыми что ни на есть настоящими, прямо перед тем, как в одиночестве отправиться в поход по Северной Америке. Книга, о которой я говорю, называется «Нападения медведей: как их избежать», а написал ее канадский академик по имени Стивен Герреро. Если это вам ни о чем не говорит, то я уже боюсь продолжать. Долгими зимними ночами в Новом Гэмпшире, когда снег валил стеной, а моя жена мирно спала, я, выпучив глаза, лежал на кровати и читал клинически точные описания людей, которых погрызли прямо в спальниках, которых сняли с дерева, которых бесшумно преследовали (а я даже не знал, что такое бывает!), когда они, ничего не подозревая, шли по лесным тропинкам или болтали ногами в горных потоках. Люди, единственной ошибкой которых было то, что они пригладили волосы ароматическим гелем, что съели сочное мясо, или положили «Сникерс» в карман рубашки, или занимались сексом, или даже то, что они пошли в лес во время менструации и поэтому потревожили обоняние голодного медведя. А иногда и того хуже – человек просто поворачивал и видел, что тропинку преграждает мрачный медведь, оценивающе покачивающий головой. Или человек случайно заходил на территорию медведя, который был слишком стар, чтобы преследовать кого-то более быстро.

Теперь, пожалуй, важно сказать, что все-таки на Аппалачской тропе сложно реально попасться медведю в лапы. Для начала, по-настоящему жуткий американский медведь гризли – *Ursus horribilis* – не встречается к востоку от Миссисипи. И это отличная новость, потому что гризли огромные, мощные и злобные. Когда исследователи Льюис и Кларк пошли в леса, они поняли, что ничего так не пугало индейцев, как гризли. И ничего удивительного – вы можете утыкать гризли стрелами, как дикобраза, но он все равно не остановится. Даже Льюис и Кларк с огромными ружьями были удивлены и взволнованы тем, как спокойно гризли переносит выстрел из ружья.

Герреро вспоминает случай, который отлично показывает силу и мощь гризли. Алексей Питка, профессиональный охотник, поехал на Аляску, там долго преследовал большого самца и наконец выстрелил ему точно в сердце из ружья большого калибра. Питка должен был вспомнить, что сначала надо проверить, умер ли медведь, а потом уже убирать ружье. Но увы... Он осторожно подошел к медведю и минуту-другую смотрел, не двигается ли тот. Признаков жизни не было, так что он повесил ружье на дерево (огромная ошибка) и подошел к трупу, чтобы забрать добычу. Как только охотник подошел, медведь подпрыгнул и цапанул голову Питки когтями так, словно собирался его поцеловать, а после одним сильным рывком вырвал ему лицо.

Удивительно, но Питка выжил. «Я не знаю, зачем я прислонил чертово ружье к дереву», – сказал он позже. Точнее говоря, он сказал: «Мммрфффф ммммммпг нмммм мффффффффффн», – потому что у него не было губ, зубов, носа, языка и прочих частей голосового аппарата.

Если мне и суждено было попасть в лапы медведя (а чем больше я читал, тем более возможным мне это казалось), то этим медведем стал бы американский черный медведь или *Ursus americanus*. В Северной Америке обитают как минимум 500 тысяч особей данного вида (ну, максимум – семьсот). Они часто встречаются в холмах вдоль Аппалачской тропы (на самом деле они используют тропу, потому что это удобно), и их количество постоянно растет. Число же особей медведей-гризли насчитывает не более 35 тысяч во всей Северной Америке, и всего одну тысячу на материковой части США, в основном в Йеллоустоунском национальном парке и вокруг него. Из этих двух видов американские медведи обычно меньше (хотя это весьма относительное сравнение, потому что самец американского медведя может весить до 650 фунтов) и гораздо менее агрессивные.

Американские медведи редко нападают на людей, но вот в чем завыка – иногда они все-таки нападают. Все медведи проворны, хитры и невероятно сильны, и они всегда голодны. Если медведи хотят убить и сожрать вас – они способны это сделать в любой момент. Это случается довольно редко, но (и это важно) для вас лично и одного раза будет вполне достаточно.

Герреро подчеркивает, что учитывая количество особей, американские медведи совершают нападения не очень часто. За последние 80 лет к 1980 году произошло всего 23 нападения американских медведей на людей, закончившихся летальным исходом (вполовину меньше, чем нападений гризли),

и большинство этих нападений произошло на западе или в Канаде. В Нью-Гэмпшире не наблюдалось ни одного летального исхода при отсутствии провокации со стороны человека с 1784 года. В Вермонте таких случаев не было ни разу.

Я очень хотел успокоиться, но так и не смог обрести заряда веры. Я прочитал, что с 1960 по 1980 год произошло всего 500 нападений американских медведей на людей, то есть 25 нападений в год при наличии примерно полумиллиона медведей. И хотя Герреро в своей книге сообщил, что большинство травм, полученных в результате нападений, не были серьезными. «Типичная травма после нападения черного медведя, – написал он, – невелика, обычно это несколько царапин или легкие укусы», – мне от этого не стало легче.

Минуточку, а что вообще имеется в виду под «легким укусом»? Мы говорим о веселых играх и плюшевых мишутках? Нет. А 500 подтвержденных нападений – так ли это мало, учитывая, сколько людей гуляет по североамериканским лесам? И насколько глупым надо быть, чтобы успокоиться, услышав, что за последние 200 лет ни один человек не был убит медведем в Вермонте или Нью-Гэмпшире? Разве медведи подписали с нами договор? Никто не обещал, что завтра они не начнут кровавую жатву.

Давайте представим, что мы и правда столкнулись в лесу с медведем. Что в этом случае нужно делать? Интересно, что при встрече с гризли и американским медведем советуют абсолютно противоположные вещи. Если вы встретили гризли, заберитесь на высокое дерево, потому что эти медведи не очень хорошо лазают. Если дерева поблизости нет, медленно отходите назад, избегая прямого визуального контакта. Все книги говорят, что если вы встретили гризли, то ни при каких обстоятельствах не должны бежать. Такой совет может дать только человек, который пишет это, сидя дома за клавиатурой. Лучше послушайте меня. Если вы находитесь на открытом пространстве, у вас нет оружия и к вам идет гризли, бегите. Это хорошая идея. Если не повезет, по крайней мере вы что-то сделаете в последние семь секунд вашей жизни. Однако когда гризли вас догонит (а он догонит), вы должны упасть на землю и притвориться мертвым. В этом случае гризли пожует вас минуту-другую, но потом потеряет к вам всякий интерес и уйдет. С американскими медведями такой номер не пройдет, потому что они будут вас жрать до тех пор, пока вам уже не станет все равно. Глупо также лезть на дерево, потому что американские медведи отличные лазальщики, так что в итоге вам все равно придется драться с медведем, только на дереве.

Чтобы отпугнуть агрессивного американского медведя, Герреро советует производить много шума, греметь банками и кастрюлями, бросать палки и камни и «бежать на медведя». (Ну-ну. Вы первый, профессор.) С другой стороны, он потом рассудительно добавляет, что такая тактика «может и спровоцировать медведя». Ну что же, спасибо. Он предлагает походникам периодически шуметь (например, петь песни), чтобы медведь знал, что где-то рядом есть люди, потому что испуганный медведь – это почти всегда злой медведь. Но через несколько страниц он же утверждает, что «шум может быть опасен», потому что способен привлечь голодного медведя, который в другом случае вас бы не заметил.

Суть в том, что никто толком не может сказать, что делать. Медведи непредсказуемы. И то, что работает в одной ситуации, может не сработать в другой. В 1973 году два подростка, Марк Сили и Майкл Уиттен, пошли в поход в Йеллоустоунском парке и случайно прошли между самкой медведя и ее детенышами. Ничто так сильно не волнует самку, как люди, которые находятся между ней и ее выводком. Разъярившись, она повернулась и начала их преследовать. Несмотря на то что медведи ходят вразвалку, они могут бегать со скоростью 56 км в час. Оба мальчика забрались на деревья. Медведица полезла за Уиттеном, цапнула его зубами за правую ногу, затем стала медленно и терпеливо стягивать его с насеста (вы тоже слышите, как ногти скребут по дереву?). Когда он уже лежал на земле, медведица начала его терзать. Чтобы отвлечь зверя, Сили стал кричать, тогда медведица стянула на землю и его. Оба подростка притворились мертвыми (согласно всем инструкциям этого делать ни в коем случае нельзя), и медведица ушла.

Не скажу, что я стал одержимым, но все эти истории с медведями заняли мои мысли на те несколько месяцев, что я ждал весны. Основным моим страхом (и это заставляло меня пристально рассматривать по ночам тени деревьев у себя на потолке) было оказаться одному в лесу в маленькой палатке, слышать снаружи ревущего медведя и думать о том, чего же он хочет. Я был особенно впечатлен любительской фотографией в книге Герреро. Она была сделана поздно вечером со вспышкой в лагере где-то на западе. На фотографии были четыре медведя, застывшие под сумкой с продуктами. Медведи явно были ошарашены, но совсем не напуганы вспышкой. Меня же пугали не размер медведей и не их поведение – они на фото выглядели почти смешно и совсем не опасно, примерно так, как выглядят четыре парня, у которых залетела на дерево летающая тарелка для фрисби, а их количество. До этого момента я и не думал, что медведи могут ходить по лесу толпами. Что, черт возьми, мне делать, если ко мне в лагерь забегут на огонек четыре медведя?

Готовиться к смерти, конечно. Буквально обгадиться до смерти. Думаю, мой сфинктер в этой милой ситуации просто вылетит из тела, как серпантин в кружочках с детских праздников (осмелюсь даже сказать, что он, возможно, издаст веселый гудок), и я тихо истеку кровью в своем собственном спальнике.

Книга Герреро была написана в 1985 году. С того момента, согласно статье в New York Times, количество нападений медведей на людей в Северной Америке увеличилось на 25 %. В этой статье также сообщалось, что медведи скорее нападут на человека весной после неурожайного года. Как раз предыдущий год выдался очень неурожайным, особенно на ягоды. Все это мне, конечно, совсем не нравилось.

К тому же я волновался по поводу одиночества. Мне все еще не вырезали аппендицит, да и вообще – некоторые мои другие органы тоже могли загнить или разорваться в пустыне одиночества окружающего меня девственного леса. И что мне тогда делать? Что, если я упаду с края скалы и сломаю спину? Что, если я потеряю тропу среди вьюги, или если ядовитая змея укусит меня в глотку, или если я потеряю равновесие на скользких камнях посреди реки, упаду и пробую череп? Знаете, человек может утонуть в шести сантиметрах воды. Можно умереть, всего-навсего вывихнув лодыжку. Нет уж, мне все это совсем не нравилось.

На Рождество я отправил кучу открыток, приглашая знакомых присоединиться к моему путешествию или хотя бы к его части. Никто, конечно, не ответил. Но потом, в конце февраля, когда я уже готовился к выходу, мне позвонили. Это был мой одноклассник Стивен Кац. Мы вместе росли в Айове, но потом перестали общаться. Те из вас, кто читал «Ни там, ни тут», может быть, и помнят Каца – моего попутчика в путешествии по Европе. В последующие 25 лет я раза три или четыре сталкивался с ним, когда приезжал домой, но больше никак с ним не контактировал.

– Я долго думал, стоит ли звонить, – сказал он медленно. Казалось, он подыскивает слова, – но эта Аппалачская тропа... Может, мне пойти с тобой?

Я не верил своим ушам.

– Хочешь присоединиться?

- Если это не очень удобно, то о'кей, я понимаю.

- Нет, - сказал я. - Нет, нет, нет! Пойдем! Я очень хочу, чтобы ты пошел!

- Правда? - казалось, что он сильно обрадовался.

- Конечно. - Я не мог поверить своим ушам. Мне не надо было быть одному! Я даже начал пританцовывать. Мне не надо было быть одному.

- Я не могу и передать, как я тебе рад.

- Ох, это прекрасно, - сказал он с облегчением, а потом добавил таким тоном, будто признавался в преступлении: - Я думал, что ты, возможно, не захочешь меня брать.

- С чего бы это?

- Потому что, ну-у-у-у, я все еще должен тебе шестьсот баксов со времен Европы.

- Что? Конечно нет! Ты должен мне шестьсот баксов?

- Я все еще хочу их вернуть.

- Эй, - сказал я, - эй, - я не мог вспомнить никаких шестисот долларов. Я никогда не забывал долги такого размера, и поэтому мне понадобилось время для того, чтобы заговорить: - Послушай, это не проблема. Просто пошли со мной. Ты уверен, что готов?

- Абсолютно.

- В какой ты форме?

- В отличной. Я много хожу пешком.

- Правда? Для Америки сегодня это необычно.

- Да, у меня за долги машину забрали.

- О-о-о...

Мы еще немного поговорили о том и об этом: о его маме, моей маме, о Де-Мойне. Я рассказал, как мало знал о тропе и о лесах, которые нас ждали. Мы договорились, что в следующую среду он прилетит в Нью-Гэмпшир, мы будем два дня готовиться, а потом уже пойдем. В первый раз за несколько месяцев я почувствовал некую уверенность. Он тоже казался невероятно бодрым, особенно для человека, которому это делать вовсе не обязательно.

Последнее, что я ему сказал, было:

- Как насчет медведей?

- Они еще до меня не добрались!

Вот это сила духа. Старый добрый Кац. Старый добрый кто угодно, у кого есть пульс и кто хочет пойти со мной. Когда он положил трубку, я понял, что не спросил, зачем ему все это надо. Кац был единственным человеком в мире, который мог, например, скрываться от людей с именами типа Хулио и Мистер Биг. В любом случае мне было все равно. Я не собирался идти один.

Моя жена стояла у раковины, пока я рассказывал ей хорошие новости. Она была не так рада, как я надеялся.

- Ты идешь в лес с кем-то, кого ты не видел уже двадцать пять лет. Ты вообще об этом думал? - (Как будто я вообще хоть о чем-то думал.) - Мне казалось, что вы уже вымотали друг другу нервы в Европе.

- Нет (это не было правдой). Мы только начали выматывать друг другу нервы. В итоге мы презирали друг друга, но это было уже давно.

Жена посмотрела на меня:

- У вас же нет ничего общего.

– У нас все общее. Нам по сорок четыре года. Мы будем говорить о геморрое и о болях в пояснице. И так как мы ничего уже не помним, я скажу ему: «О, я тебе уже рассказывал о том, как у меня болит спина?» А он ответит: «Э-э-э, нет, вряд ли». И мы снова это все обсудим. Будет просто здорово!

– Будет просто ужасно.

– Да, я знаю, – ответил я.

В итоге через шесть дней я стоял в местном аэропорту и смотрел, как маленький самолетик с Кацем внутри садится за пару десятков метров до терминала. На мгновение шум пропеллеров усилился, потом стал утихать, и дверь-трап самолета открылась. Я попробовал вспомнить, когда в последний раз его видел. После нашего европейского лета Кац вернулся в Де-Мойн и посвятил свою жизнь доказательству того, что в Айове существовала-таки культура употребления наркотиков. Он тусил несколько лет, потом все отказались с ним тусить, потом он тусил сам с собой, один в маленькой квартире, с бутылкой, с пакетом травы и со старым телевизором. Теперь я вспомнил, что последний раз видел его лет пять назад, когда водил маму в ресторан Денни на завтрак. Он сидел за столиком с изможденным парнем, запихивал в рот блины и периодически делал глоток-другой из бутылки в бумажном пакете. Было восемь утра, а Кац уже выглядел счастливым. Когда он пил, он всегда выглядел счастливым, а пил он всегда.

Через две недели, как я потом узнал, полиция нашла его в перевернутой машине в поле рядом с Минго, он висел на ремне безопасности, сжимал руль и говорил: «Кажется, тут небольшая проблемка, офицер?» В бардачке у Каца нашли немного кокаина. За это его отправили в тюрьму на 18 месяцев. Там он начал посещать встречи «Анонимных алкоголиков». Ко всеобщему удивлению, с тех пор он не притронулся ни к алкоголю, ни к прочим незаконным веществам.

Когда Каца выпустили, он нашел работу, вернулся в колледж и некоторое время жил с парикмахершей Патти. Последние три года он посвятил честности и, как я заметил, когда он вышел из самолета, отрастил живот. Кац был сильно больше, чем когда я видел его в последний раз. Он всегда был немного полноват, но теперь был похож на актера Орсона Уэллса после тяжелой ночи. Он немного прихрамывал и дышал тяжелее, чем следовало бы дышать тому, кто прошел двадцать метров.

– Боже, я очень голоден, – сказал Кац без всяких предисловий и дал мне свою сумку, которая тут же прижала меня к земле.

– Что у тебя там? – выдохнул я.

– Просто всякое дерьмо для путешествия. Здесь есть Dunkin' Donuts? Я ничего не ел еще с Бостона.

– Бостон? Ты же только что оттуда.

– Ну да, мне надо есть каждый час или типа того, а то у меня будут, как они говорят, припадки.

– Припадки? – Это было не совсем то, что я мечтал, когда думал о нашем воссоединении. Я представлял, как он скачет по Аппалачской тропе как упавшая на спину заводная игрушка.

– Лет десять назад я принимал всякие токсичные фенитиамины. После этого все и началось. Но если я съем пару пончиков или типа того, то прихожу в себя.

– Стивен, мы через три дня будем в лесу. Там не будет пончиков.

Он гордо кивнул:

– Я об этом подумал. – Кац указал на свою сумку на ленте выдачи. Это был зеленый армейский вещмешок. Он попросил меня его поднять. Что я и сделал. Мешок весил минимум килограмм тридцать. Кац поймал мой удивленный взгляд.

– «Сникерсы», – объяснил он. – Очень много «Сникерсов».

Из Dunkin' Donuts мы поехали домой. Чуть позже моя жена и я сидели на кухне и смотрели, как Кац уничтожает пять пончиков с кремом, запивая их двумя стаканами молока. Затем он сказал, что хочет ненадолго прилечь. Чтобы подняться по лестнице, ему потребовалось несколько минут.

Моя жена повернулась ко мне с совершенно пустым лицом.

– Пожалуйста, ничего не говори, – сказал я.

В полдень, когда Кац отдохнул, мы с ним поехали к Дейву Менгле и купили ему рюкзак, палатку, спальник и все прочее, а затем поехали в K-Mart покупать коврик, термобелье и другую мелочь. После этого он еще немного отдохнул.

На следующий день мы пошли в супермаркет покупать еду на первую неделю. Я совершенно ничего не знал о готовке, но Кац жил один многие годы, поэтому прекрасно освоил блюда, которые в основном представляли собой арахисовое масло, тунец и лапшу, смешанные в горшке, и которые, по его мнению, отлично подойдут для похода. Тем не менее в тележку он положил много других вещей. Это были четыре больших колбаски пепперони, 2,5 кг риса, разное печенье, крупа, изюм, M&Ms, Spam, еще немного «Сникерсов», семечки, крекеры Graham, растворимое картофельное пюре, два больших пакета тростникового сахара (он сказал, что без этого вообще нам не выжить), несколько палочек сушеной говядины, сыр, ветчина в банках, а также огромное количество липких и долго не портящихся пирогов и пончиков от компании под названием Little Debbie.

– Знаешь, мне кажется, мы не сможем это все нести, – сказал я после того, как он положил в тележку копченую колбасу в форме подковы.

Кац мрачно посмотрел в тележку:

– Да, ты прав. Давай сначала.

Он оставил тележку и пошел за второй. Мы снова сделали круг по магазину, стараясь более избирательно подходить к вопросу, но в итоге все равно вышло слишком много.

Мы взяли все домой, разделили и начали паковать. Кац в спальне, где лежали все его вещи, а я в подвале. Я упаковывал свое два часа, но так и не мог запихнуть все, что хотел. Я отложил книги, блокноты и почти всю свободную одежду, попробовал много других вариантов, но каждый раз, когда заканчивал, вдруг понимал, что оставил что-то важное и большое. Наконец я пошел проверить, чем там занимается Кац. Он лежал на кровати и слушал плеер. Вещи были разбросаны. Рюкзак был пуст. Тихонько звучала музыка.

– Ты собираешься? – спросил я.

- Да.

Я подождал минуту, думая, что он встанет, но он даже не двигался.

- Прости, Стивен, но мне кажется, что ты просто лежишь.

- Да.

- Ты точно слышишь, что я говорю?

- Да, через минуту.

Я вздохнул и вернулся в подвал.

Кац молча поужинал и сразу пошел в свою комнату. За весь вечер мы от него ничего не слышали, но примерно в полночь, когда я и жена уже лежали в кровати, стали раздаваться странные звуки. Это были бормотание, щелчки, звуки двигающейся мебели, резкие вспышки шума, перемежавшиеся периодами тишины. Я держал мою вторую половину за руку и не знал, что сказать.

Утром я постучал в дверь Каца и зашел. Он спал полностью одетый на куче постельного белья. Матрас наполовину сполз с кровати, словно Кац всю ночь с кем-то дрался. Рюкзак был полон, но не закрыт, а его личные вещи разбросаны по комнате. Я сказал, что, чтобы успеть на самолет, мы должны выйти через час.

- Да, - подтвердил он.

Через двадцать минут он спустился - с трудом и ругаясь. Он спускался боком и очень осторожно, словно ступеньки лестницы были покрыты льдом. Кац нес рюкзак, к которому были привязаны разные вещи - старые кеды и ботинки, посуда, хозяйственная сумка, явно взятая из гардероба моей жены и теперь заполненная БОГ знает чем.

- Это все, что я мог сделать. Мне пришлось даже кое-что оставить.

Я кивнул. Я бы тоже оставил несколько вещей – например, крупу, которую я не ел, и самые неприятно выглядящие пироги Little Debbie, точнее – все эти пироги.

Через снегопад жена отвезла нас в аэропорт в Манчестер. Всю дорогу в машине царил неловкое молчание, как всегда бывает перед долгой разлукой. Кац сидел сзади и ел пончики. В аэропорту она подарила мне палку для походов, которую купили мне дети. На ней был красный бант. Я хотел разрыдаться или, что лучше, сесть в машину и уехать, пока Кац хмурился с непривычки. Она сжала мою руку, слабо улыбнулась и ушла.

Я посмотрел, как она уходит, а потом пошел к терминалу вместе с Кацем. Мужчина за стойкой регистрации проверил наши билеты до Атланты, глянул на рюкзаки и сказал (достаточно взволнованно для человека, который зимой надел футболку):

– Ребята, идете на Аппалачскую тропу?

– Угу, – гордо сказал Кац.

– Проблемы с волками в Джорджии.

– Правда? – Кац был весь внимание.

– Ага. На пару людей недавно напали. Достаточно серьезно, как я слышал. – Он походил с билетами и багажными бирками. – Надеюсь, вы взяли длинное белье.

Кац скривился:

– Для волков?

– Нет, для погоды. Будет дикое похолодание на четыре-пять дней. Сегодня в Атланте уже гораздо ниже нуля.

– Супер. – Кац вздохнул и посмотрел на мужчину. – Может, звонили из больницы и сказали, что у нас рак?

Мужчина улыбнулся и шлепнул билеты на стойку.

– Нет, все, больше ничего. Хорошей поездки. И, – теперь он обращался только к Кацу и говорил тише, – ты следи за волками, потому что ты вообще похож на хорошую закуску. – И он подмигнул.

– Господи, – тихо сказал Кац и помрачнел.

Мы встали на эскалатор к нашему выходу.

– А еще на этом рейсе нас кормить не будут, – сказал он с горькой усмешкой.

Глава III

Начало

Все началось с Бентона МакКая – мягкого, доброго, действующего из лучших побуждений мудреца, который летом 1921 года предложил своему другу Чарльзу Харрису Уитакеру, редактору известного архитектурного журнала, весьма амбициозный план похода. Сказать, что в этот момент жизнь МакКая была нехороша, было бы преуменьшить, и весьма значительно. В предыдущие десять лет он потерял работу в Гарварде, вылетел с должности в «Службе национальных заповедников», и наконец, желая найти место получше, получил должность в Министерстве труда, в федеральном ведомстве с размытыми обязанностями по улучшению эффективности работы и поднятию духа. Там он честно понавыдумывал абсолютно нерабочих, но амбициозных идей, которые были приняты с почтением и выброшены в мусор. В апреле 1921 года его жена, известная пацифистка и суфражистка Джесси Харди Стаббс, спрыгнула с моста над Ист-Ривер и утонула.

Странно, что всего через десять недель после случившегося он предложил Уитакеру прогулку по Аппалачской тропе, и это предложение напечатали в одном из разделов уитакерского «Архитектурного журнала Американского института» в следующем октябре. Походная тропа была лишь частью плана МакКая. Он видел ее как путь, соединяющий сеть рабочих лагерей на вершинах гор, куда придут тысячи бледных и истощенных городских рабочих, чтобы получить заряд энергии и беззаботности. Там, прямо в лесу, должны были быть

построены таверны и хостелы, сезонные учебные центры и постоянные деревни – самоуправляемые сообщества, жители которых жили бы с помощью «непромышленной деятельности», основанной на лесничестве, фермерстве и ремеслах. Все это стало бы, как описывал МакКай, «отдыхом от дохода», то есть тем, что многие считали «поклонением большевизму».

В то время в восточной Америке уже существовало несколько туристических клубов – например, клуб «Зеленые горы», клуб «Дармут Аутинг», почтенный «Горный КЛУБ в Аппалачах». Все эти в основном аристократические организации уже владели сотнями миль гор и лесных троп, в основном в Новой Англии. В 1925 году представители ведущих клубов встретились в Вашингтоне и образовали «Конференцию Аппалачской тропы», которая ставила своей целью создание тропы длиной 1930 км. Эта тропа должна была соединить две самых высоких вершины востока: двухкилометровую гору Митчелл в Северной Каролине и вершину поменьше на 396 футов – гору Вашингтон в Новой Англии. В итоге за следующие пять лет ничего не произошло, в основном потому, что МакКай занимался дальнейшей разработкой своих идей, пока наконец не добрался до реального мира.

До 1930 года, когда молодой морской юрист из Вашингтона и умелый путешественник по имени Мирон Эйвери не взял на себя проект, ничего не происходило, но потом вдруг все понеслось с жуткой скоростью. Очевидно, что Эйвери не был милым парнем. Как подметил кто-то из его современников, он оставил две тропы от Мэна до Джорджии, одну из задетых чувств и пошатнувшихся мировоззрений, а второй стала АТ. Он не желал терпеть МакКая и его «квазимистические эпиграммы», поэтому они не ладили. В 1935 году у них произошла ожесточенная стычка по поводу прокладывания тропы через национальный парк Шенандоа. Эйвери хотел провести путь через горы, а МакКай считал это предательством всех принципов. После чего, так и не договорившись, они никогда больше не разговаривали.

Обычно вся слава за создание тропы присваивается МакКая. В основном потому, что он дожил до 96 лет и при этом не потерял своей здоровой седой шевелюры. К тому же он всегда находил минутку, чтобы сказать пару слов на церемонии где-нибудь на холме. Эйвери, наоборот, умер в 1952 году, за четверть века до МакКая, когда про тропу еще мало кто знал. Но на самом деле это была тропа Эйвери. Он проложил ее на карте, заставил клубы предоставить ему волонтеров, сам наблюдал за созданием сотен миль пути. Он увеличил ее изначальную длину с 1930 км до 3200, и, пока ее не закончили, прошел на ней каждый дюйм.

Меньше чем за семь лет с помощью добровольных рабочих он построил 3200-километровую тропу через горные перевалы. Такого до него никто не делал.

Аппалачская тропа была официально завершена 14 августа 1937 года, когда в дальней части Мэна расчистили проем длиной в четыре километра. Удивительно, но постройка самой длинной в мире пешеходной тропы почти не привлекла внимания. Эйвери не был публичным человеком. А МакКай к тому моменту уже уволился. Ни в одной газете не осветили этого достижения. Не было никакого празднования.

У новой тропы не было никакой исторической подоплеки. Она не шла по индийским или постколониальным путям. Там не было красивых видов, или самых высоких точек, или самых известных достопримечательностей. Она заканчивалась не пойми где у горы Митчелл, хотя добиралась до горы Вашингтон и потом шла еще 563 км до горы Катадин в Мэне (Эйвери, будучи родом из Мэна и начинавший тут свои походы, очень на этом настаивал). Короче, она шла там, где было возможно, в основном высоко по холмам, через одинокие ущелья и забытые долины, которые никто никогда не использовал и даже имен им не давал. Она не достигала южного конца Аппалачской горной цепи на 240 км и северного конца – на 1126 км. Рабочие лагеря, виллы, школы и учебные центры так и не были построены.

Тем не менее многие из идей МакКая все же осуществились. Все 3380 км тропы, равно как и тропки, мостики, знаки и укрытия, поддерживаются в рабочем состоянии волонтерами, из-за чего Аппалачскую тропу по праву называют самым большим волонтерским предприятием на планете. Она все еще свободна от коммерции. «Конференция по Аппалачской тропе» наняла первого работника с зарплатой в 1968 году и все еще остается дружелюбной, доступной и открытой организацией. Аппалачинская тропа больше не считается самой длинной тропой в мире. Находящиеся на западе тропы Тихоокеанский хребет и Американский континентальный водораздел немного длиннее, но она всегда будет первой и величайшей. У нее много друзей, которых она заслужила.

Практически со дня открытия тропу приходилось переносить. Сначала это сделали со 189 км в Вирджинии – чтобы создать «Скайлайн Драйв» через национальный парк «Шенандоа». Затем в 1958 году чрезмерная разработка горы Оглторп в Джорджии потребовала изменения 32 км южной части тропы и переноса начала к горе Спрингер, в национальный лес Чаттахучи. Через десять лет «Клуб АТ» в Мэне переложил 423 км тропы – около половины общей длины в

штате, убрав тропу с дорог и пустив ее в леса. Даже сейчас от года к году путь несколько меняется.

Самая сложная часть в походе по Аппалачской тропе – это попасть на нее с какого бы то ни было конца. Гора Спрингер, точка старта на юге, находится в семи милях от ближайшей дороги, в месте, которое называется «Государственный парк Амикалола Фоллс», что и само по себе далековато. Из Атланты, которая тут ближе всего, можно сесть на поезд, который ходит раз в день, или на автобус (два раза) до Гейнсвилля, и даже тогда вам предстоит преодолеть еще сорок миль до того, как останется семь миль до начала тропы (из Катадин в Мэне добраться еще сложнее). К счастью, есть люди, которые готовы за деньги довести вас из Атланты в Амикалолу. Так мы с Кацем оказались вверены большому и очень дружелюбному парню в бейсбольной кепке по имени Уэс Уиссон, который согласился доставить нас из аэропорта в Атланте до отеля «Амикалолы Фоллс», нашей отправной точки, за 60 долларов.

Каждый год, примерно с начала марта по конец апреля, около двух тысяч походников отправляются из Спрингера, и почти все они хотят пройти весь путь до Катадин. Но лишь 10 процентов из них с этим справляются. Половина не добирается и до центральной Вирджинии, которая находится примерно на трети пути. Четверть доходит до Северной Каролины, то есть до следующего штата. Десять процентов сливаются уже на первой неделе. Уиссон видел их всех.

«В прошлом году я высадил парня в начале тропы, – рассказывал он, пока мы ехали через темнеющий сосновый лес к изломанным холмам Северной Джорджии. – Через три дня он позвонил мне с платного телефона в Вуди-Гэп. Это первый платный телефон, на который ты натыкаешься. Сказал, что хочет домой, что тропа совсем не такая, как он думал. Так что я отвез его обратно в аэропорт. Через два дня он вернулся в Атланту. Сказал, что жена заставила, потому что он потратил все деньги на оборудование, и поэтому она не разрешит ему так просто сдаться. Ну, я его снова подвез. Через три дня он снова позвонил из Вуди-Гэп. Снова в аэропорт. «А как же жена?» – спрашиваю. А он говорит: «В этот раз поеду не домой».

Я поинтересовался, где находится Вуди-Гэп?

– В 33 км от Спрингера. Недалеко, правда? Ну, то есть я это к тому, что он же из Огайо летел.

– А почему так быстро отказался?

– Говорил, это не то, чего он ожидал. Все так говорят. На прошлой неделе у меня были три дамы из Калифорнии – среднего возраста, очень славные. Правда, немного слишком любят похихикать, но славные. Когда я их высадил, они были вполне бодры. Через четыре часа позвонили и сказали, что хотят домой. То есть они прилетели из Калифорнии, понимаешь, потратили кучу денег на билеты и оборудование – у них было самое крутое оборудование, которое только может быть, все новое и очень качественное, они прошли всего мили полторы и отказались идти дальше. Сказали, что это оказалось совсем не то, чего ожидали.

– А чего они ожидали?

– Ну, кто знает. Эскалаторов? Там холмы, и скалы, и деревья, и тропа. Не надо быть ученым, чтобы это понять. Вы бы очень удивились, если бы знали, сколько людей сходит с тропы. Но вот шесть недель назад был парень, который должен был сойти и не сошел. Он вышел с этого конца. Он прошел сам от Мэна. У него это заняло восемь месяцев, больше, чем у большинства людей, и я не думаю, что он кого-то видел за последние несколько недель. Со мной была его жена. Она приехала его встречать. Он просто упал на нее и стал плакать. Вообще не мог говорить. Он так себя вел до самого аэропорта. Я никогда не видел, чтобы люди чувствовали такое облегчение, совершив задуманное. И я подумал: «Ну, вы знаете, сэр, поход по Аппалачинской тропе – это вообще-то дело добровольное, но ничего, конечно, ему не сказал».

– Так значит, когда вы подвозите людей, то можете сказать про каждого, справится он или нет?

– Пожалуй, что могу.

– А мы, как думаете? – спросил Кац.

Он посмотрел на нас по очереди:

– Вы, ребята, справитесь. – Но его лицо говорило об обратном.

Отель «Амикалола Фоллс» находился довольно высоко на склоне горы. К нему по лесу вела долгая и продуваемая всеми ветрами дорога. Мужчина в аэропорту в Манчестере явно читал правильный прогноз. Когда мы вышли из машины, было чудовищно, просто невероятно холодно. Дул пронизывающий ледяной ветер, который, казалось, завывал со всех сторон и забирался в рукава и штанины. «Госсссподи!» – в ужасе выдавил Кац, как будто кто-то только что выплеснул на него ведро ледяной воды, и побежал к отелю. Я расплатился и пошел за ним.

Отель оказался современным, модным и очень теплым, с открытыми лобби, где горел каменный камин, и с такими безликими комнатами, которые можно увидеть только в Holiday Inn. Мы разошлись по комнатам и договорились встретиться в семь. Я купил колу в коридорном автомате, помылся под обжигающе горячим душем, использовав кучу полотенец, и ввинтился между хрустящими простыней и одеялом (когда я еще теперь смогу насладиться таким комфортом), посмотрел неутешительный прогноз погоды от счастливых беззаботных людей с Weather Channel и наконец заснул.

Я проснулся на рассвете и сел у окна, смотреть, как тусклый свет медленно прорисовывает окружающий ландшафт (бесплодные и словно бесконечные высокие холмы, покрытые голыми деревьями и немного снегом). Они не выглядели ужасно недоступными. Это же не Гималаи. Но они и не выглядели как место, где хочется прогуляться.

Когда я направился в столовую, выглянуло солнце, заполнив мир яркими цветами, и я вышел на улицу подышать воздухом. Холод словно ударил мне в лицо, да и ветер не унимался. Маленькие сухие снежинки, похожие на шарики пенопласта, крутились в воздухе. Термометр показывал -12 градусов.

– Очень холодно для этого времени, – бросила на бегу широко улыбающаяся работница отеля, быстро идущая от парковки ко входу в здание. Потом она остановилась и спросила:

– Вы в поход?

– Да.

– Ммм, лучше вы, чем я. Удачи! Бррррррр... – И она скользнула внутрь.

К своему собственному удивлению, я чувствовал некий душевный подъем. Я был готов к походу. В конце концов, я ждал этого дня несколько месяцев, даже несмотря на то, что все эти дни я в основном представлял себе всякие ужасы. Я хотел знать, что произойдет дальше. Сегодня по всей Америке люди будут работать, стоять в пробках, дышать смогом. А я собираюсь ходить по лесам. И я более чем готов к этому.

Каца я обнаружил в столовой за завтраком. Он тоже выглядел весьма бодрым. Все потому, что нашел нового друга – официантку по имени Райетт, которая слушала его заказ с некоторым кокетством. Райетт была ростом примерно метр восемьдесят, а ее лицо могло напугать младенца, но она казалась доброй и была расторопна с кофе. Она бы не смогла лучше продемонстрировать Кацу свою доступность, даже если бы сняла юбку и легла перед ним на стол. Кац, в свою очередь, выпускал тестостерон.

– Ооо, мне нравятся мужчины, которые ценят блинчики, – протянула Райетт.

– Милая моя, мне нравятся именно эти блинчики, – ответил Кац, облившись сиропом и расплывшись в счастливой улыбке. Это было не очень похоже на Хепберн и Трейси, но трогало не меньше.

Официантка отправилась дальше – к посетителю за другим столиком, а Кац смотрел, как она уходит, с какой-то почти родительской гордостью.

– Она жутко страшная, правда? – сказал он с широчайшей улыбкой.

Я решил смягчить его слова:

– Только если сравнить ее с другими женщинами.

Кац задумчиво кивнул, потом быстро взглянул на меня.

– Знаешь, чего я сейчас ищу в женщинах? Сердцебиения и наличия конечностей. – Я изобразил на лице сочувствие. – И это только отправная точка. Я готов даже поговорить по поводу конечностей. Как думаешь, она доступна?

– Думаю, тебе следует взять у нее телефон.

В ответ он грустно кивнул.

- Думаю, что лучше все доесть и уйти.

Я был очень рад это услышать. Я допил свой кофе, и мы пошли собирать вещи. Но когда через десять минут мы встретились снаружи, уже собранные и готовые, Кац выглядел несчастным. - Давай еще на ночь останемся, - сказал он.

- Что? Ты шутишь? - Я был совершенно ошарашен. - Зачем?

- Тут тепло, а там холодно.

- Ну как ты не понимаешь? Нам надо это сделать.

Он посмотрел в сторону леса:

- Мы там замерзнем.

Я тоже посмотрел в сторону леса:

- Да, наверное. Но нам все равно надо это сделать.

Я надел рюкзак и пошатнулся под его весом (пройдут дни, прежде чем я смогу это сделать хоть с какой-то грацией), затянул ремень и пошел к лесу. На опушке я обернулся, чтобы убедиться, что Кац идет за мной. Потом снова посмотрел вперед. Передо мной стояли бесконечные голые деревья. Я решительно шагнул на тропу, являвшуюся остатком изначальной Аппалачской тропы, которая шла от горы Оглторп до Спрингера.

Было девятое марта. Мы вышли на дорогу.

Дорога вела в поросшую деревьями долину. По ней рядом с тропой примерно полмили тек бурлящий ручей, окаймленный льдом. Миновав долину, мы попали в густой лес. Это было, что вскоре стало очевидно, подножие первого большого холма - Морозной горы. И мы сразу почувствовали, что она морозная. Солнце сияло, небо голубело, но все на уровне земли было коричневым - коричневые деревья, коричневая земля, замерзшие коричневые листья, и холод, кажется,

тоже коричневый, игнорировать который не получалось. Я прошел примерно сто футов вверх по холму, потом остановился, выпучив глаза и тяжело дыша. Сердце билось просто невероятно. Кац уже отстал и дышал еще тяжелее меня. Я поднажал.

Это был ад. Впрочем, неудивительно. Первые дни похода всегда такие. Я был абсолютно, просто совершенно не в форме. Рюкзак весил слишком много, слишком. И я вдруг подумал, что никогда до этого не делал ничего, к чему я был настолько плохо готов. Каждый шаг давался мне с трудом.

Самым тяжелым было признать то, что за этим холмом будет еще один холм. Ведь когда стоишь на холме, ты не можешь видеть, что будет дальше. За завесой деревьев, смотря только на ползущую вверх тропу, обращая внимание только на то, насколько ты устал, начинаешь терять ощущение пройденного расстояния. Каждый раз, когда выходишь на что-то, что, как тебе казалось, точно должно быть хребтом, выясняешь, что впереди еще холм, а за холмом – еще один, а за ним – еще и еще. И за каждым последующим находятся еще холмы, хотя тебе кажется, что такое количество холмов просто невозможно. Наконец ты достигаешь высоты, с которой видно вершины самых высоких деревьев. За ними – только чистое небо. И твой ослабевший дух взмывает к небесам: мы уже почти на месте! Но, увы, это самообман. Ускользящая вершина отдаляется от тебя вне зависимости от расстояния, которое ты проходишь. Так что каждый раз, когда кроны деревьев расступаются и можно увидеть, что ждет тебя дальше, ты видишь, что самые верхние деревья так же далеки и так же недостижимы, как и прежде. Но ты все равно идешь. Да и что еще ты можешь сделать?

Когда после долгого-долгого пути ты наконец добираешься до по-настоящему высоких мест, где холодный воздух пахнет соснами, а растения малы, жестки и прижаты к земле от ветра, тебе, увы, уже все равно. Ты ложишься лицом вниз на гнейс (это такая горная порода, состоящая в основном из кварца), тебя прижимает к камню огромный рюкзак, и ты лежишь так несколько минут, очень отстраненно размышляя, что ты никогда раньше не смотрел так близко на лишайники, да и вообще ни на что так близко в природе не смотрел. Разве что, когда тебе было четыре и у тебя было увеличительное стекло. Наконец ты глубоко вздыхаешь, переворачиваешься, вылезает из лямок рюкзака, поднимаешься на ноги и понимаешь – снова отстраненно, словно издалека, – что вид вокруг просто невероятный: безграничные горы, покрытые деревьями, где нет признаков человеческой жизни, растянулись до горизонта и дальше. Это и

правда рай. Это великолепно. Но вот беда: одна только мысль о том, что все это придется пройти, пугает, а еще больше пугает то, что это лишь малая часть того, что надо пройти.

Ты сравниваешь карту с тем, что видишь, и понимаешь, что тропа внизу спускается в долину, даже скорее в ущелье, похожее на те ущелья, где все время бегал койот из мультиков. У этого ущелья есть настоящая точка схода и крайний предел. И тропа, по которой ты идешь, приведет к холму еще более крутому и впечатляющему, чем этот. И только в эту минуту ты понимаешь, что с завтрака ты прошел 2,7 км, а расписание (наспех набросанное почти без размышлений на кухонном столе) требует 14,3 км к ланчу, 27 км – к чаю, и еще больше назавтра.

Но, возможно, еще идет дождь. Холодный, жалиющий, безжалостный дождь, с громом и молниями, пляшущими на соседних холмах. Возможно, тебе холодно и голодно, и ты пахнешь так плохо, что уже не можешь выносить свой собственный запах. Возможно, ты хочешь лечь и быть таким, как лишайник – не мертвым, но недвижимым, – до скончания времен.

Но пока все это, конечно, было впереди. Сегодня мне надо было всего-то пересечь четыре горы, пройдя 11 км по хорошо видной тропе в сухую и ясную погоду. Казалось, что тут и говорить не о чем. Однако на самом деле это был ад.

Я не знаю, когда потерял Каца, но это произошло в первые пару часов нашего похода. Сначала я поджидал его, слушая, как тот, проклиная каждый шаг, останавливается, три-четыре раза передвинув ноги, чтобы вытереть лоб и мрачно посмотреть в ближайшее будущее. На него было больно смотреть. В итоге я стал дожидаться, пока он просто появится в поле зрения, чтобы убедиться, что он все еще тут, а не упал на дорогу в агонии и не сбросил с отвращением рюкзак, решив вернуться домой с помощью Уэса Уиссона. Каждый раз, когда я так делал, он появлялся из-за деревьев, тяжело дыша, невероятно медленно двигаясь и разговаривая с самим собой громким голосом. На середине третьего подъема на Черную гору (ее высота составляла примерно километр) я остановился, чтобы снова подождать его, но так и не дождался, хотя сначала даже подумал о том, чтобы вернуться за ним, но все-таки плюнул на все и пополз дальше. Мне хватало своих проблем.

Одиннадцать километров кажутся небольшим расстоянием, но поверьте мне, это не так. Даже для физически сильных людей такое расстояние с рюкзаком станет

гораздо длиннее. Вы понимаете, каково это, когда попадаете в зоопарк или в парк развлечений с маленьким ребенком, который и шагу больше ступить не может. Вы сажаете его на плечи и недолгое время (пару минут) вам даже весело, особенно когда вы притворяетесь, что сбросите его или разобьете его голову о какую-нибудь низкую притолоку, но в последний момент успеваете увернуться. Но потом вам становится неудобно. Вы чувствуете напряжение в шее, боль в плечах. И эти ощущения распространяются до тех пор, пока вам не станет совсем плохо, и тогда вы говорите маленькому Джимми, что ему пора ненадолго слезть.

Конечно, Джимми ноет и идти не хочет, и ваша дама бросает на вас взгляд из серии «я-должна-была-выйти-замуж-за-квотербека», потому что вы не прошли и четырехсот метров. Но знаете, это больно! И поверьте, я вас понимаю.

Теперь представьте двух маленьких Джимми в рюкзаке у вас за спиной, а лучше что-то неповоротливое и тяжелое, что-то такое, что не хочет, чтобы его поднимали, и это становится ясно, как только вы поднимаете это что-то – например, мешок цемента или коробку медицинских справочников, то есть примерно 18 кг жуткой тяжести. Представьте, как эта тяжесть клонит вас к земле. Представьте, как вы идете с ней часы, дни, и не по асфальтовой дорожке со скамейками и палатками, а по тропе, полной острых камней, торчащих корней и подъемов, которые добавляют болезненных ощущений вашим изнемогающим ногам. Теперь поднимите голову (пожалуйста, это последняя вещь, которую я у вас сегодня попрошу), пока шея не изогнется под острым углом, и зафиксируйте взгляд в точке в двух милях от вас. Это ваш первый подъем. До вершины осталось полтора крутых километра, а потом еще очень много этих самых км. Представили? И не говорите мне, что 11 километров – это мало.

А, и вот еще что. Вам не нужно делать это. Вы не в армии. Вы можете уйти прямо сейчас. Поэтому езжайте домой, где вы встретитесь с семьей и будете спать в собственной кровати. Сделайте это прямо сейчас. В ином случае вам, бедному мрачному уроду, придется 3500 км переться по горам и лесам к Мэну.

Так я топал многие часы в моем частном аду усталости, вверх-вниз по холмам, через бесконечный лес, все время думая: «Вот сейчас-то я уже, наверное, прошел 11 км». Но каждый раз тропа шла дальше.

В половине четвертого я поднялся по нескольким гранитным ступеням и понял, что нахожусь на просторной каменной площадке – на самой вершине горы

Спрингер. Я сбросил рюкзак, сел и прислонился к дереву, удивленный степенью усталости. Вид был невероятным. Меня просто заворожили переливы Кохуттских гор, окрашенных в цвет сигаретного дыма, убегающие далеко за горизонт. Я отдыхал минут десять, потом встал и осмотрелся. К булыжнику была прикручена бронзовая табличка, обозначающая начало Аппалачской тропы. Там же была стойка с ручкой «Бик» на веревочке и обычная тетрадка, страницы которой покоробились от влажности. Тетрадка была нужна для записи начала пути (я думал, она будет кожаной и пафосной), и она была забита записями, большинство из которых были сделаны рукой молодых людей. Записи заполняли примерно 25 страниц (это с первого января), а восемь из них были сделаны сегодня. Большинство записей отличалось бодростью и оптимизмом: «Второе марта. Вот мы тут, и черт, как же холодно! Увидимся на Катадин! Джейми и Спад». Но примерно треть из них были длинными и задумчивыми, со смыслом между строк: «Вот я наконец на Спрингере. Я не знаю, что дальше, но моя вера в Бога сильна, и я знаю, что моя семья любит и поддерживает меня. Мама и Поки – это путешествие для вас», и так далее.

Я прождал Каца чуть меньше часа, а потом пошел его искать. Начинало темнеть, становилось все холоднее. Я шел и шел вниз по склону через чащу, снова туда, куда, как я думал, никогда не вернусь. Несколько раз я выкрикивал его имя и слушал, но ничего не слышал. Я шел дальше и дальше, переползал через поваленные деревья, те самые, через которые перелезал несколько часов назад, вниз по склонам, которые едва помнил. Наконец после поворота я увидел Каца, взъерошенного, без одной перчатки, в почти истерическом состоянии.

Он не мог ничего связно рассказать, потому что был чертовски зол, но я видел, что он вышвырнул кучу предметов из рюкзака в припадке ярости. Теперь с рюкзака ничего не свисало – даже бутылка воды исчезла.

– Что ты выкинул? – спросил я, стараясь не нервничать.

– Всякое тяжеленное дерьмо, вот что. Пепперони, рис, тростниковый сахар, ветчину... Не знаю, что еще. Кучу всего. Всякое говнище.

Кац был почти в обмороке от злобы. Он вел себя так, словно тропа его предала. Это было не то, чего он ожидал. По крайней мере, мне так показалось.

Я увидел ниже по склону его перчатку и пошел за ней.

– Ну, – сказал я вернувшись, – идти осталось совсем недалеко.

– Сколько?

– Может, с километр.

– Срань Господня, – сказал он горько.

– Я возьму твой рюкзак. – Я поднял его на плечи. Он, конечно, не был пуст, но стал намного легче. Бог знает, что он выкинул.

Мы поднялись на холм в сгущающейся тьме. В сотне метров вниз по склону, на большой поляне под деревьями, находилась площадка для палаток с деревянным укрытием. Там было много людей, больше, чем я ожидал в это время года. Укрытие представляло собой стандартный трехстенок с крышей-скатом. Оно было заполнено. А вокруг него стояла дюжина или около того палаток. Почти везде горели газовые горелки, пахло едой и ходили люди.

Для нас я нашел место на краю поляны, почти в лесу.

– Я не знаю, как ставить палатку, – сказал Кац.

– Я поставлю, – ответил я, подумав про себя, что приобрел в напарники огромного безответственного младенца. Внезапно я ощутил ужасную усталость.

Кац сел на бревно и смотрел, как я ставлю палатку. Когда я закончил, он взял спальник, коврик и заполз внутрь. Я занялся своей палаткой, старался сделать ее уютнее. Когда я закончил работу и встал, то понял, что от него не слышно ни звука, ни шороха.

– Ты что, спишь? – потрясенно спросил я.

– Мммгм, – ответил он утвердительным ворчанием.

– Без ужина?

– Мммммгм.

Я ошеломленно замер на минуту, но уже слишком устал, чтобы негодовать. И слишком устал, чтобы есть. Я заполз в палатку, взял воду и книгу, вытащил нож и фонарик для ночной подсветки и самозащиты и наконец залез в спальник, благодаря всех, кого только можно, за горизонтальное положение. Я заснул за минуту. Не верю, что когда-нибудь еще спал так же прекрасно.

* * *

Когда я проснулся, был уже день. Внутри вся моя палатка была покрыта инеем. Как я понял через секунду, это произошло, потому что мое дыхание сконденсировалось, замерзло и осталось на ткани, как фотоальбом дыхательных воспоминаний. Вода замерзла напрочь. Это казалось очень мужественным, и я смотрел на бутылку с таким интересом, словно это был редкий минерал. Внутри спальника было уютно и тепло, и не надо было никуда бежать и лезть вверх по холмам, поэтому я лежал так, словно кто-то приказал мне не двигаться. Через какое-то время я услышал, что Кац шуршит снаружи и тихо бормочет что-то, словно от боли, и над чем-то колдует.

Через пару минут он подошел к палатке и остановился – я видел его темную тень на ткани. Он не спросил, проснулся ли я, а просто сказал:

– Вчера вечером я вел себя как полный придурок, да?

– Да, Стивен.

Он секунду помолчал:

– Я готовлю кофе. – Я подумал, что это его способ извиниться:

– Очень мило.

– Тут зверски холодно.

– И тут.

– У меня вода замерзла.

– И у меня тоже.

Я выпутался из моего нейлонового кокона и встал на ноги. Очень странно и очень ново было стоять на улице в одних подштанниках. Кац суетился над походной кухней и кипятил воду. Казалось, что мы были единственными, кто не спал. Было холодно, но, наверное, теплее, чем вчера, да и встающее солнце выглядело многообещающе.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Кац.

Я согнул ноги:

– Да нормально.

– И я.

Он налил воду в фильтр:

– Сегодня я буду хорошим, – пообещал он.

– Ладно. – Я посмотрел через его плечо. – Есть причина, по которой ты фильтруешь кофе через туалетную бумагу?

– М-м-м-м, я выкинул бумагу для фильтров.

Я издал звук, не сильно похожий на смешок:

– Они же весили каких-нибудь десять грамм.

– Ну да, но их было очень приятно выкидывать. Разлетелись по склону. – Он налил еще воды. – Туалетная бумага тоже ничего.

Мы смотрели, как кофе течет в кружки, и чувствовали себя очень гордыми. Наш первый завтрак на природе. Он передал мне чашку. Там плавала земля и

маленькие кусочки туалетной бумаги, но зато этот кофе был обжигающе горячим, что было в этот момент важнее всего.

Он посмотрел на меня, словно извиняясь:

- Я выкинул тростниковый сахар, так что сахара для овсянки нет.

- Хм. Да и овсянки для овсянки нет, я оставил ее в Нью-Гэмпшире.

Кац посмотрел на меня снова и добавил:

- Правда? Я люблю овсянку.

- А сыр есть?

Он покачал головой.

- Выкинул.

- Арахис?

- Выкинул.

- Ветчина?

- Выкинул.

Это уже звучало пугающе.

- А колбаса?

- Я съел ее в Амикалоле, - сказал он так, словно это было недели назад, а потом добавил, как будто в чем-то признаваясь: - Меня устроит чашка кофе и пара печенек.

Я скривился.

– Печеньки я тоже оставил.

Лицо Каца вытянулось.

– Оставил печеньки?

Я кивнул, извиняясь.

– Все?

Я снова кивнул.

Он тяжело выдохнул. Это и правда было серьезным ударом по его чувствам и душевному равновесию. И тут мы поняли, что нужно провести инвентаризацию. Мы расчистили место на земле и вывалили в одну кучу все имеющиеся у нас продукты. Их оказалось очень мало: лапша, пакет риса, изюм, кофе, соль, шоколадки. Туалетная бумага. И все.

Мы позавтракали «Сникерсами» и кофе, свернулись, надели рюкзаки и пошли.

– Не могу поверить, что ты оставил печенье, – сказал Кац и немедленно начал отставать.

Глава IV

Нежданный спутник

Лес не похож на любое другое пространство. Для начала, леса похожи на кубы. Деревья окружают вас, склоняются над вами, прижимают со всех сторон. Деревья не дают увидеть, что за ними, вы путаетесь и начинаете вести себя иначе. Вы чувствуете себя маленьким и уязвимым, как ребенок, заблудившийся среди чужих ног. Если вы стоите в пустыне или в степи, то знаете и видите, что

вокруг вас много пространства. Если вы стоите среди леса, то лишь чувствуете это. Деревья образуют просторное безличное ничто. И они живые.

Леса зловещи. Помимо мысли о том, что в них могут скрываться дикие животные и вооруженные, психически нездоровые парни по имени Зик и Фестус, есть что-то еще более жуткое-что-то, что заставляет вас чувствовать с каждым шагом приближение конца, ощущать себя не в своей тарелке и, соответственно, быть начеку. Хотя вы и говорите себе, что это бред, мысли о том, что за вами кто-то следит, не исчезают. Вы приказываете себе быть спокойным, ведь, в конце-то концов, это просто лес. Но на самом деле вы взвинчены сильнее, чем револьвер с взведенным курком. Каждый неожиданный шорох, будь то треск падающей ветки или шум продирающегося через чащу оленя, заставляет вас вздрогнуть и возопить о спасении. Что бы внутри вас ни было ответственно за адреналин, эта штука никогда не работала так гладко и быстро, как сейчас. В лесу она всегда готова выбросить в кровь бодрящий заряд адреналина. Даже когда спите, вы напряжены, как пружина.

Американские леса вот уже триста лет лишают людей мужества. Невероятно педантичный, нудный и общеизвестный писатель и натуралист Генри Дейвид Торо считал, что природа удивительна, удивительна во всех проявлениях, пока ходил только по городу за пирогами и ячменным пивом, но когда попал в настоящий лес во время посещения горы Катадин в 1846 году, он был потрясен до мозга костей. Это был не одомашненный мир огромных орхидей и залитых солнцем тропинок, которые считались лесом в Конкорде в штате Массачусетс, а запретный, давящий, доисторический мир, который был «суров и дик... мрачен и сер» и подходил только для «людей, больше похожих на камни и диких животных, чем на нас». Такой опыт заставил его ощутить, по словам одного биографа, «почти истерику».

Но даже люди куда более суровые и знающие, чем Торо, были выбиты из колеи странной и осязаемой угрозой леса. Дэниэл Бун, знаменитый первопроходец из всеми любимого старого доброго вестерна, который не только боролся с медведями, но и пытался встречаться с их индейскими сестрами, описывал уголки южных Аппалачей как «настолько дикие и жуткие, что на них нельзя смотреть без ужаса». Если даже Дэниэл Бун чувствовал себя здесь не в своей тарелке, то вы понимаете, что и вам пришло время поостеречься.

Когда в Новый Мир прибыли первые европейцы, тут росло около 950 млн акров леса, которые потом станут континентальными штатами Америки.

Национальный Лес Чаттахучи, через который мы с Кацем сейчас пробирались, был частью густого нетронутого лесного покрова от южной Алабамы до Канады и далее, и от берегов Атлантики до далеких берегов реки Миссури.

Ныне большая часть этих лесов исчезла, но даже то, что осталось, впечатляет сильнее, чем вы могли бы подумать. Чаттахучи – это часть шести тысяч квадратных миль леса федерального значения, который простирается до Грейт-Смоки-Маунтинс и дальше и присутствует на территории четырех штатов. На карте США это выглядит всего лишь как маленький мазок зеленого, но если идти пешком, то размер этого леса огромен. До того как мы с Кацем перейдем дорогу, оставалось четыре дня, а до входа в город – восемь.

Деваться нам было некуда. Поэтому мы шли. Мы шли по горам и долинам, по одиноким грядам с видом на другие гряды, по травянистым полянам и по каменистым, извилистым, опасным спускам; шли километр за километром по темным, глубоким, тихим лесам, по тропе шириной в 20 см, отмеченной прямоугольными белыми метками (4 см в ширину, 12 в длину), развешанными на серых деревьях. Мы шли.

Если сравнить Америку с остальными развитыми странами, то выяснится, что тут очень много лесов. Одна треть континентальных штатов покрыта деревьями – всего 728 млн акров отличнейшего леса. Только в одном Мэне можно насчитать 10 млн необитаемых акров. Это 40 с половиной тысяч кв. км земель (что немногим больше Бельгии) без единого постоянного жителя. Чтобы стало совсем ясно, скажу, что всего в США считаются застроенными два процента территории.

Около 240 млн акров американских лесов принадлежат правительству. Основная их часть, а именно 191 млн акров, принадлежит Службе охраны лесов (СОЛ) США с разделением на зоны национальных лесов, национальных полей и национальных заповедников. Все это звучит очень мило и экологично, но на самом деле большая часть этой земли предназначена для многоцелевого использования, что позволяет рыть шахты, добывать газ и нефть, кататься на сноумобилях, создавать лыжные курорты – 137 штук, строить дома, кататься на внедорожниках и прочая, прочая, прочая. Короче, делать все, что кажется совершенно несовместимым с нетронутостью лесов.

СОЛ США – это удивительное учреждение. Около века назад оно было организовано в качестве банка деревьев, как постоянное хранилище американских лесов, потому что именно тогда люди начали переживать по

поводу их уничтожения. Организация создавалась с целью защиты этого природного ресурса в интересах всего народа. Леса не должны были становиться парками. Частным компаниям предлагали возможность добывать минералы и вывозить древесину, но они должны были это делать под строгим контролем.

Таков был план. В итоге основное, что делала СОЛ, так это строила дороги. Я не шучу. В американских национальных лесах около 608 330 км дорог. Вам может показаться, что это число не имеет никакого смысла, но посмотрите с другой стороны – это в восемь раз больше, чем длина дорог между штатами. Это самая большая система дорог, находящаяся под контролем одной организации во всем мире. В СОЛ в два раза больше дорожных инженеров, чем в любой другой организации на планете. Но сказать, что эти ребята любят строить дороги, означает оскорбить их преданность. При этом покажите им любые деревья, они посмотрят на них, подумают и скажут: «Знаете, мы можем проложить тут дорогу». К середине следующего века СОЛ собирается построить еще 933 тысячи км дополнительных дорог.

Причина, по которой СОЛ строит эти дороги, не говоря о глубоком удовольствии от шума в самом сердце леса, заключается в том, что частным компаниям по обработке древесины надо как-то добираться до деревьев. Среди всех 150 млн акров леса, принадлежащего СОЛ, около двух третей хранятся на будущее. Оставшаяся треть, то есть 49 млн акров, или кусок земли размером с два Огайо, доступна для вырубki. Тут можно вырубить огромное количество деревьев, включая (просто привожу пример) 209 акров тысячелетних секвой в Орегонском национальном лесу Умпквa.

В 1987 году организация объявила, что разрешит частным компаниям уничтожать сотни гектаров леса в год в древнем и зеленом лесу «Писга», который находится совсем рядом с национальным парком Грейт-Смоки-Маунтинс, и что 80 % этой вырубki будет представлять собой чистое уничтожение, но называться это будет не как-нибудь, а «научное лесничество». Считаю, что это не только визуальный урон лесам, но и большой удар по почве, из которой вымываются полезные вещества, уничтожая в итоге среду обитания животных и растений на многие километры вокруг. Это не наука. Это насилие.

Однако Служба охраны лесов не останавливается. К концу восьмидесятых годов прошлого века (это так невероятно, что мне и думать об этом страшно) СОЛ осталась единственным активным игроком в американской

деревообрабатывающей индустрии, который уничтожал деревья быстрее, чем высаживал. Мало того, она делала это невероятно неэффективно. Целых 80 % сделок оказывались невыгодными. И организация просто теряла на них деньги – иногда большие. Например, однажды СОЛ продала столетние скрученные широкохвойные сосны из национального леса Тарги в Айдахо примерно за два доллара, потратив при этом по четыре доллара за дерево, исследуя землю, подписывая контракты и, конечно, строя дороги. С 1989 по 1997 год компания теряла примерно по 242 млн долларов в год, то есть всего около 2 млрд долларов, согласно информации от Общества дикой природы. Это так печально, что стоит просто оставить данную тему и вернуться к двум нашим одиноким героям, которые все еще пробираются через затерянный мир Чаттахучи.

В 1890 году железнодорожник из Цинциннати по имени Генри С. Бэгли приехал в эту часть Джорджии, увидел величавые белые сосны и тополя и был так тронут их красотой, что решил все вырубить. Сосны стоили очень много денег. Кроме того, перевозка древесины на север позволила бы поддерживать работу железной дороги. Впоследствии за три десятка лет почти все холмы северной Джорджии превратились в солнечные пнистые рощи. К 1920 году лесники на Юге увозили в виде досок около 15,4 млрд футов древесины в год. Только в тридцатых годах прошлого века, когда был официально основан национальный лес «Чаттахучи», природа снова смогла заявить о своих правах. Так что лес, по которому мы шли, был лишь растущим подростком.

В несезон в лесу у вас возникает какое-то странное ощущение замершего насилия. Каждая прогалина и долина кажутся местами, где только что произошел огромный катаклизм. Упавшие деревья встречаются у вас на пути каждые 40 или 50 метров, часто на их корнях вы обнаруживаете еще оставшуюся землю. Множество деревьев гниет на склонах, и каждое третье или четвертое дерево наклоняется над соседом. Кажется, словно они хотят упасть как можно быстрее, как будто целью их жизни было вырасти как можно выше и потом рухнуть со знатным грохотом. Я всегда очень осторожно подходил к склонившимся над тропой деревьям. Сначала колебался, потом быстро пробежал под ними, и каждый раз боялся того, что мне очень не повезет, и тогда Кац, который придет на это место через несколько минут, увидит мои дергающиеся ноги и скажет: «Мать твою, Брайсон, что ты там делаешь?» Но ни одно дерево на меня не упало. Везде все было спокойно и слишком уж тихо. Не считая редкого бормотания бегущей воды и шороха листьев на ветру, не было слышно ни звука.

Лес был тих, потому что весна еще не пришла. В обычный год мы бы шли через бурлящие щедроты южной горной весны, через цветущий новорожденный мир, наполненный жужжанием насекомых и щебетом птиц; мир, взрывающийся свежим воздухом и богатым, густым запахом хлорофилла, который чувствуешь, продираясь через низко нависшие ветки. Надо всем этим были бы яркие огромные цветы, распутившиеся на каждой ветке, прорастающие через богатую лесную почву, ковром покрывающие каждую солнечную поляну и берег реки. Мы бы смогли увидеть триллиум и ползучую эпигею, клубочковую дицентру, аризему, мандрагору, фиалку, василек, лютик, лапчатку, ирис, водосбор, кислицу и прочие радостные цветочные чудеса в огромных количествах. В Южных Аппалачах произрастает около полутора тысяч видов диких цветов, а в лесах северной Джорджии – целых сорок редких видов. Такое зрелище развеселит даже очень мрачного человека. Но вместо этого мы шли через холодный и бесшумный мир голых деревьев, под оловянными небесами, по земле стального цвета.

Вскоре мы выработали некое расписание. Каждое утро мы вставали с первыми лучами солнца, дрожа и растирая руки, варили кофе, собирали лагерь, съедали пару горстей изюма и отправлялись в тихие леса. Мы шли примерно с половины восьмого до четырех. Мы очень редко шли вместе, потому что у нас просто не совпадал темп, но каждые пару часов я садился на бревно (всегда проверив окружающую действительность на предмет медведя или кабана) и ждал Каца, чтобы выяснить, все ли с ним в порядке. Иногда мимо проходили другие походники, которые говорили, где был Кац и как у него дела – обычно он шел медленно, но храбро. Моему спутнику идти было труднее, чем мне. И я уважал его хотя бы за то, что он пытался не бубнить. Я ни на секунду не забывал, что ему тут вообще ничего не надо.

Я думал, что мы все время будем идти в толпе людей, но на самом деле путешественников было мало – три студента из университета Нью-Джерси, пара пожилых людей в отличной форме, направлявшихся на свадьбу дочери в Вирджинию, неуклюжий парень из Флориды по имени Джонатан. Короче, к северу направлялось примерно два десятка человек. В силу того, что все шли с разной скоростью и отдыхали в разных местах, три или четыре раза в день ты встречал уже знакомых тебе людей – особенно на вершинах гор с панорамными видами или у рек с хорошей водой, ну и, конечно, в деревянных укрытиях, которые располагались далеко друг от друга, обычно на полянках в дне пути совсем рядом с тропой. В итоге ты хотя бы чуть-чуть был знаком со всеми туристами, и хорошо знаком – если встречался с ними по ночам в укрытиях. Ты становился частью неформального общества, неких слабых, но ощутимых уз

между людьми разного возраста и положения, но находящихся в одинаковом состоянии и испытывающих одни и те же неудобства, видящих те же красоты, желавших одного и того же.

Даже в популярное для походов время лес является отличным местом для одиночества, и я находил это одиночество, не видя ни души многие часы, когда долго-долго ждал Каца, а мимо меня никто не проходил. Когда это случалось, я оставлял рюкзак и шел его искать, чтобы проверить, как он. И ему это было приятно. Иногда при этом он гордо нес палку, которую я забыл у дерева, когда остановился завязать шнурки или подогнать рюкзак. Мы следили друг за другом. Это было мило. Не могу сказать иначе.

Около четырех мы находили место для лагеря и раскидывали палатки. Кто-то шел набирать и фильтровать воду, кто-то готовил горячую лапшу. Иногда мы общались, но чаще всего сидели в дружелюбной тишине. К шести часам темень, холод и усталость загоняли нас в палатки. Кац засыпал немедленно. Я читал час или около того с помощью удивительно хорошего налобного фонарика, который, как фара от велосипеда, бросал четко очерченный круг света прямо на страницу. Я читал, пока плечам и рукам не становилось холодно, пока они не уставали от попыток поймать свет. Тогда я погружался во тьму и слушал ясные и отчетливые звуки ночного леса, вздохи и шепоты ветра и листьев, тяжелый скрежет сучьев, бесконечное бормотание и движение, похожие на шумы в больнице после того, как там выключили свет. Потом я наконец засыпал. Утром мы просыпались, дрожа, растирая руки и бессловесно жалуясь, упаковывали рюкзаки и снова углублялись в огромный лес.

На четвертый вечер мы нашли нового друга. Кац и я сидели на маленькой полянке около тропы с уже растянутыми палатками, ели лапшу, наслаждались тем, что можно просто сидеть, когда полненькая, очкастая девушка в красной куртке и с рюкзаком огромного размера вышла на нашу полянку. Она посмотрела на нас так, как смотрят люди, либо постоянно находящиеся в замешательстве, либо те, кто плохо видит. Мы поприветствовали друг друга, обменялись мнением о погоде и о том, где мы находимся. Затем она посмотрела на сгущающиеся сумерки и объявила, что поставит палатку рядом с нами.

Ее звали Мэри Эллен. Она была из Флориды, и, как Кац навсегда определил ее, используя особый, благоговейный тон, она была произведением искусства. Она говорила не останавливаясь, кроме тех моментов, когда прочищала евстахиевы трубы, что делала часто, защемляя себе нос и выдувая воздух через закрытые

ноздри с такой силой, что любой пес, даже самый храбрый, выскочил бы от страха из-под дивана и спрятался бы под столом в другой комнате. Я давно знал, что часть божественного плана заключается в том, что в своей жизни я должен провести немного времени с самыми глупыми людьми в мире, и Мэри Эллиен стала доказательством того, что даже в Аппалачах я от этого не избавлен. С самой первой секунды стало понятно, что она настоящая редкость.

- Что едим? - спросила девушка, присаживаясь на свободное полено и подняв голову, чтобы заглянуть нам в миски: - Лапшу? Глупо. В лапше ваще никакой энергии нет. Типа совсем. - И она прочистила ухо: - Это палатка Starship?

Я посмотрел на свою палатку:

- Не знаю.

- Глупо. Наверное, они тебе в магазине мозги запудрили. Сколько заплатил?

- Не знаю.

- Слишком много, вот сколько. Надо было брать всепогодную палатку.

- Это и есть всепогодная палатка.

- Прости уж за такие слова, но это типа дико тупо приходить сюда в марте без всепогодной палатки. - И она снова прочистила уши.

- Это всепогодная палатка.

- Хорошо, что ты пока не замерз. Надо тебе вернуться обратно и дать в рыло парню, который тебе ее продал, потому что он ну как бы вообще на тебя забил.

- Поверь мне, это всепогодная палатка.

Она опять прочистила уши и потрясла головой:

- Вот всепогодная палатка. - И она показала на палатку Каца.

- Это абсолютно такая же палатка.

Она снова на нее посмотрела:

- Пофиг. Сколько километров сегодня вы прошли?

- Примерно шестнадцать.

На самом деле мы прошли 13,6. Но мы еще поднимались на красивые скалы, включая высоченную вершину под названием Гора Проповедников, самую высокую после горы Спрингер. За этот подъем мы наградили себя дополнительными километрами - просто для того, чтобы поднять дух.

- Шестнадцать? И все? Вы, наверное, реально не в форме. Я сделала 22 км.

- А рот твой сколько прошел? - спросил Кац, подняв голову от лапши.

Она пригвоздила его к месту очень суровым взглядом:

- Столько же, сколько и я, конечно. - И она посмотрела на меня так, словно спрашивала: «Твой друг совсем странный или что с ним?» И снова прочистила уши: - Я начала от Гуч-Гэп.

- Как и мы. Это 13,6 км.

Она потрясла головой, как будто отгоняя муху.

- Двадцать два.

- Нет, это правда всего 13,6 км.

- Извини, конечно, но я только что их прошла. Думаю, что я знаю, о чем говорю. - И потом безо всякого перехода: - Боже, это что, Тимберленды? Огромная глупость. Сколько ты за них заплатил?..

Так оно и продолжалось. В итоге я пошел помыть миски и повесить на дерево еду. А когда вернулся, она готовила себе ужин, но все равно разговаривала с Кацем.

- Знаешь, в чем твоя проблема? – говорила она. – Пардон, конечно, но ты слишком жирный.

Кац посмотрел на нее в тихом изумлении:

- Прости, что?

- Ты слишком жирный. Надо было худеть перед походом. Ну там, в зал ходить, а то знаешь, сердечко-то и пошаливать может.

- Пошаливать?

- Ну, знаешь, оно типа останавливается, а ты типа умираешь.

- Ты про инфаркт?

- Ага.

Надо сказать, что сама Мэри Эллен тоже худышкой не была, и в тот момент совершенно зря обернулась, чтобы достать что-то из рюкзака, обнажив часть тела, на которой вы могли бы, к примеру, проецировать картинки для военной базы. Это была увлекательная проверка Каца на терпеливость. Он ничего не сказал, но пошел пописать и, проходя мимо меня, уголком рта произнес явное ругательство из трех слогов, голосом, похожим на гудок товарняка в ночи.

На следующий день, как всегда, мы проснулись замерзшими и стали делать наши обычные дела, но теперь каждое наше движение проверяли и оценивали. Пока мы ели изюм и пили кофе с туалетной бумагой, Мэри Эллен наслаждалась переменной едой. У нее была овсянка, пирожные, сухофрукты с орехами и 12 маленьких квадратиков шоколада, которые она разложила на бревне. Как беженцы-сироты мы смотрели на то, как она набивает свой живот едой и одновременно объясняет наш рацион диетой, а также недостатком опыта и мужественности.

И вот теперь, уже втроем, мы отправились в лес. Иногда Мэри Эллен шла со мной, иногда – с Кацем, но всегда с кем-то из нас. Несмотря на все ее разговоры, было очевидно, что она была очень неопытной – не умела, например, читать карту, – и вообще, было непонятно, как она собиралась одна выжить в дикой природе. Я не мог не чувствовать к ней жалости. Кроме того, я даже начал находить от ее общества своеобразное удовольствие. Она использовала очень странный порядок слов и словосочетания. Могла, например, сказать: «Там вот поток реки». Или, например: «Сейчас около десяти дня часов». Как-то раз, рассказывая о зимах в центральной Флориде, она сообщила: «Морозы у нас обычно один или два раза за зиму, но в эту зиму у нас морозило пару раз». Кац, в свою очередь, был в ужасе от ее компании и содрогался от ее безустанных попыток ускорить его шаг.

Наконец погода стала к нам добрее. И хотя это было больше похоже на осень, чем на весну, но главное, что вокруг неожиданно как-то мягко потеплело. К десяти утра температура поднялась до плюс пятнадцати. Впервые со времени Амикалолы я снял куртку и внезапно понял, что мне абсолютно некуда ее класть. Я привязал куртку к рюкзаку и пошел дальше.

Мы прошли еще 6,5 км вверх, перевалив через Кровавую гору, высотой в 1135 м, то есть самую высокую и сложную вершину на пути по Джорджии, а потом начали крутой и удивительный трехкилометровый спуск к Нилс-Гэп, к месту под названием Уаласи-Йи Инн, где можно было (вот оно – счастье!) купить сэндвичи и мороженое. Примерно в половине второго мы услышали звук моторов, а уже через несколько минут вышли из леса на шоссе 19 и 129, которое, несмотря на целых два номера, было простой проселочной дорогой, бегущей среди древесной пустоты. Прямо через дорогу стоял Уаласи-Йи Инн. Это прекрасное каменное здание, созданное Гражданским корпусом охраны окружающей среды, чем-то типа армии безработных во времена Великой депрессии тридцатых годов XX века, а ныне – смесь магазина для путешественников, продуктового, книжного и хостела. Мы перешли дорогу, даже, скорее, ее перебежали – и вошли внутрь.

Теперь мне кажется странным, что обычный тротуар, проезжающие мимо автомобили, да и просто здание могут казаться удивительными и незнакомыми всего после пяти дней, проведенных в лесу, но это так и было. Даже просто пройти внутрь, оказаться в здании со стенами и потолком было ново. А сам Уаласи-Йи Инн был в моих глазах – я даже не могу описать, насколько он был прекрасен. Там был один такой прозрачный холодильник, заполненный свежими

сандвичами, газировкой, соком и штуками типа сыра. Мы с Кацем пялились на него целую вечность, совершенно замороженные. Я начинал понимать, что основная идея Аппалачской тропы – это депривация, что вся идея такого опыта – это максимальное удаление от повседневных удобств, чтобы потом вещи типа сыра или запотевших банок с газировкой наполнили вас удивлением и благодарностью. Это совершенно невероятный опыт – попробовать колу будто в первый раз и почти почувствовать оргазм от белого хлеба. Скажу честно: весь испытанный мной дискомфорт того стоил.

Мы с Кацем купили по два сандвича с яичным салатом, батончики, шоколадки и газировку, после чего сели за столиком снаружи, где пообедали с жадным чавканьем и восторгом, а потом вернулись обратно, смотреть на холодильник и желать еще. Уаласи-Йи Инн, как мы поняли, предлагал для путешественников за небольшую цену и всякие прочие удобства – стирку, душ, полотенца. И мы с радостью всем этим воспользовались. Душ был старым и разваливающимся, но из него текла горячая вода, и я никогда-никогда до этого не получал такого удовольствия от бритья. С невероятным удовлетворением я наблюдал, как пять дней грязи стекают по моим ногам прямо в сток, и с некоторой благодарностью к этому самому лесу и холмам заметил, что мое тело стало более подтянутым. Мы дважды загрузили стиральную машинку, вымыли всю посуду, купили и отправили открытки, позвонили домой и закупили свежей еды.

Уаласи-Йи Инн управлял англичанин по имени Джастин и его американская жена Пегги. Как-то получилось, что мы с ними разговорились. Пегги сказала, что с первого января тут побывали уже тысячи путешественников, хотя сезон еще даже не начался. Они были весьма дружелюбны, и мне показалось, что Пегги часто уговаривает людей остаться на пути. Только вчера молодой человек попросил их вызвать такси до Атланты. Пегги почти упростила его продолжить путешествие, хотя бы еще с неделю, но в итоге он все-таки сломался и тихим голосом попросил отпустить его домой.

Сам я понимал, что точно хочу продолжить. Ярко светило солнце. Я был чист и свеж. У нас была еда. Я поговорил с женой и знал, что все хорошо. Кроме того, я стал приходить в форму. Глядя на себя, я решил, что потерял уже около трех килограммов. Я был готов идти. Кац тоже сиял чистотой и выглядел стройнее.

Мы положили покупки в рюкзаки и одновременно радостно поняли, что нигде не видно Мэри Эллен. Я заглянул внутрь и спросил, видел ли кто ее.

– Мне кажется, она ушла около часа назад, – сказала Пегги.

Все было совсем хорошо.

Мы отправились в путь около четырех. Джастин сказал, что примерно в часе ходьбы находится прекрасный лужок. Тропа, по которой нам предстояло идти, сияла в лучах заходящего солнца – от деревьев на землю легли темные тени, а через долину были видны черные силуэты гор. Луг и правда оказался идеальным местом для лагеря. Мы поставили палатки и съели свои сэндвичи, батончики и выпили газировку.

Затем с такой гордостью, словно сам их испек, я вытащил из рюкзака маленький сюрприз – два пакета капкейков.

Лицо Каца загорелось, как у мальчика в день рождения на картине Нормана Рокуэлла.

– Вау!

– Там не было Little Debbie's, – извинился я.

– Эй, – сказал он, – эй...

Больше Кац ничего выдавить из себя просто не смог. Он очень любил капкейки.

Мы разделили первые три, а последний оставили на бревне на попозже. Мы лежали, прислонившись к бревнам, рыгали, курили, чувствовали себя отдохнувшими и довольными, немного болтали, короче, делали все то, что я представлял себе еще перед походом. И тут Кац испустил печальный вздох. Я проследил за его взглядом и увидел, что Мэри Эллен торопится по тропе по направлению к нам.

– Было чертовски интересно узнать, куда вы, ребята, пропали, – с ходу заявила она. – Знаете, вы просто жутко медленные. Мы могли бы еще километров восемь пройти. Кажется, мне теперь придется за вами следить. Что это, капкейк?

И прежде чем я что-то успел сказать, прежде чем Кац схватил полено, чтобы шмякнуть ее по голове, она сказала:

– Я его съем, пожалуй, – и мгновенно сожрала в два укуса.

Прошло несколько дней, прежде чем Кац снова смог улыбнуться.

Глава V

Магия тропы

– Так кто ты по знаку зодиака? – спросила Мэри Эллен.

– Куннилингус, – ответил Кац, с абсолютно грустным видом.

Она посмотрела на него:

– Я такого не знаю, – потом нахмурилась и сказала: – Я думала, что знаю все. Я – Лев. – Она повернулась ко мне: – А ты?

– Не знаю, – сказал я, пытаюсь что-то придумать. – Некрофилия.

– Такого я тоже не знаю. Слушаете, вы что, надо мной прикалываетесь?

– Ага.

Прошло два дня. Мы разбили палатки между двух задумчивых вершин на возвышенности, называемой Индиан Грейв. Одна из них будто пыталась вспомнить что-то, другая – отчаянно высмотреть.

Мы прошли 35 км за два дня – весьма достойное расстояние, особенно для нас, – но некоторая лень и чувство разочарования, своего рода горная усталость, одолели нас. Каждый день мы делали то же, что и за день до этого, и продолжали делать это на следующий день на таких же холмах, на протяжении

той же извилистой тропы, через тот же бесконечный лес. Лес был такой густой, что мы практически ничего не могли рассмотреть, а когда нам это удавалось, то мы видели лишь бесконечные холмы, опять же покрытые деревьями. К своему сожалению, я заметил, что снова воняю и голоден как собака. И конечно, не стоит забывать о радости от постоянно болтающей и удивительно тупой Мэри Эллен.

- Когда твой день рождения?

- Восьмого декабря.

- Это значит Дева.

- Нет, вообще-то это Стрелец.

- Да без разницы!

И потом резко:

- Черт, ребята, от вас так несет.

- Ну да, мы же шли.

- Вот я не потею. Никогда. Снов я тоже никогда не вижу.

- Все видят, - сказал Кац.

- А я вот нет.

- Видят все, кроме людей с крайне низким интеллектом. Это научный факт, - подытожил Кац.

Мэри Эллен выразительно посмотрела на него, затем внезапно, никому из нас специально не обращаясь, сказала:

– У тебя был сон, когда ты такой в школе, смотришь вниз и на тебе типа нет одежды? – Она аж передернулась. – Ненавижу его.

– Я думал, тебе не снятся сны, – сказал Кац.

Она уставилась на него, будто пытаюсь вспомнить, где видела его раньше.

– И когда падаешь, – невозмутимо продолжила она. – Его я тоже ненавижу. Вот когда ты типа проваливаешься в дыру и тупо падаешь и падаешь. – Она опять немного передернулась и начала шумно продувать уши.

Кац смотрел на нее с легким интересом.

– Я знаю парня, который тоже так делал, и у него глаз вылетел, – сказал он.

Она взглянула на него с сомнением.

– Он прокатился через всю гостиную, и его собака съела его. Верно, Брайсон?

Я кивнул.

– Да ты все выдумываешь.

– Нет, он прокатился через гостиную, и, прежде чем кто-либо сумел что-то сделать, собака его проглотила.

Я подтвердил его слова еще одним кивком.

Она задумалась на минуту:

– И что ваш друг сделал с дырой в глазу? Он купил стеклянный глаз?

– Ну, понимаешь, его семья довольно бедная, ему пришлось просто взять мяч от пинг-понга и нарисовать на нем глаз.

– Фу, – тихо сказала Мэри Эллен.

- Я бы на твоём месте никогда больше не продувал уши.

Она опять задумалась.

- Да, может быть, ты и прав, - наконец ответила она и снова продула уши.

Однажды, когда мы с Кацем остались вдвоем, так как Мэри Эллен пошла пописать в кусты, мы успели заключить тайный договор, что завтра пройдем до места, которое называлось Дикс Грип Гэп, туда, где проходит дорога на Хайавасси, что в 17 км на север. Для начала нам надо перебраться через само ущелье (и не убится по дороге), а потом доехать автостопом до города, где можно было поужинать и переночевать в отеле. По этому плану мы должны были просто убить Мэри Эллен и забрать ее печенью.

Итак, на следующий день мы поднимались все выше и выше, удивляя Мэри Эллен своей невероятной скоростью. Там, в возделанном Хайавасси, нас ждал отель - чистые простыни, душ, цветной телевизор! И целая куча ресторанов. Казалось, нам не нужен был никакой иной стимул, чтобы оживить шаг. Но случилось, что Кац ослаб уже на первом часу, а ближе к обеду я тоже начал чувствовать усталость. И все же мы настойчиво продвигались вперед. Мэри Эллен шла все медленнее и медленнее. Наконец она оказалась где-то за спиной Каца и растворилась в пространстве. Это можно было назвать чудом в горах.

Так, примерно в четыре часа, измученный, перегревшийся, с ручейками пота и песка на лице, я вышел из леса к широкой автостраде номер 76. Она казалась своего рода асфальтовой рекой, бегущей среди леса. Я сразу же с радостью отметил, что дорога была широкой и имела значительный вид. Через пару километров у леса мы обнаружили съезд и полянку. Это была последняя точка, отделявшая дикую природу от цивилизации. Пока я осматривался, несколько машин уже успели проехать мимо меня.

Кац вывалился из леса через пару минут. Его волосы и взгляд выдавали в нем дикаря. Я стремительно начал толкать товарища на другую сторону дороги, несмотря на все его вопли о том, что ему надо СЕЙЧАС ЖЕ сесть. Я же упорно пытался успеть сесть в машину, прежде чем Мэри Эллен выйдет из леса и все испортит. Я не знал, как она может это сделать, но просто чувствовал, что ей это удастся.

- Ты ее видел? - спросил я у него с тревогой.

- Несколько миль назад. Она сидела на камне, сняв ботинки и потирая ноги. Она выглядела очень уставшей.

- Хорошо.

Он повалился на свой рюкзак, грязный и изнуренный. Я встал рядом на обочине дороги с выставленным вверх большим пальцем и попытался всем своим видом показать свою респектабельность и собранность. Я раздраженно цыкал на каждую проезжающую мимо машину или грузовик. Но, увы, это не срабатывало. До этого мне не приходилось стопить уже два с половиной десятка лет. Надо признать, это довольно унижительное занятие. Машины проносились мимо очень быстро, необыкновенно быстро, едва бросая взгляд на наш дикий вид поистине естественных людей.

Некоторые машины проезжали медленнее. В них всегда сидели пожилые люди: мы видели их маленькие седые головы чуть выше линии окна. Они смотрели на нас с симпатией или с таким выражением, с каким смотрят на коров в поле. Казалось, никто не остановится. Я и сам бы не остановился.

- Нас никогда не подвезут, - разочарованно заявил Кац, после того как целых 15 минут машины отказывались остановиться.

Он, конечно, был прав, но меня всегда в нем раздражало то, как он быстро сдается.

- Ты можешь попробовать быть чуточку увереннее? - сказал я.

- О'кей, я уверен, что нас никогда не повезут. Да ты взгляни на нас, - и он с отвращением понюхал свои подмышки. - Боже, я пахну как холодильник Джеффри Деймера (серийный убийца).

Существует феномен магии тропы, о котором знают и говорят все, кто занимается пешим туризмом. Когда настают самые тяжелые времена, вдруг вам необыкновенно везет, вы словно садитесь на «райский самолет». Таким самолетом для нас стал светло-голубой Pontiac TransAm, который сначала

пролетел мимо, затем скрипнул тормозами и остановился в облаке пыли примерно через сотню метров у обочины дороги. Это было так далеко от того места, где мы стояли, что мы и думать не могли, что машина остановилась ради нас. Затем она резко двинулась назад, при этом половина машины ехала по обочине, а другая – по дороге, быстро и немного свирепо. Я стоял как вкопанный. За день до этого пара бывалых туристов рассказывала, что иногда на юге водители специально сворачивают к автостопщикам, чтобы повеселиться, проехав по их рюкзакам. Я решил, что это наш случай. Я уже был готов бежать в укрытие, и даже Кац начал подниматься, когда машина резко остановилась прямо рядом с нами. В клубе пыли показалась женская головка, принадлежащая молодой и весьма симпатичной особе.

– Вас подвезти, ребятки? – прокричала она.

– Да, мадам. Нам бы очень этого хотелось, – сказали мы, пытаясь внушить доверие.

С рюкзаками наперевес мы поспешили к машине и склонились к окну, из которого на нас глядела очень красивая, счастливая и очень пьяная пара. На вид им было не больше восемнадцати. При этом девушка аккуратно наполняла два пластиковых стакана виски из бутылки Wild turkey, три четверти которой уже было выпито.

– Привет, – сказала она. – Запрыгивайте.

Мы замешкались. Практически вся машина была забита вещами: чемоданами, коробками, кучей черных полиэтиленовых пакетов, одеждой и ковриками с вышивкой. Машина и сама по себе была маленькой, им самим едва хватало в ней места.

– Даррен, почему бы тебе не освободить местечко для этих джентльменов? – велела девушка и затем добавила: – Это, кстати, Даррен.

Даррен вышел, улыбнулся в знак приветствия, открыл дверь заднего сиденья и начал тупо смотреть, пока до него также не дошло, что машина полностью забита. Он был до того пьяный, что я на минуту подумал, что он сейчас уснет стоя, однако он собрался с силами и нашел какую-то веревку, которой крайне ловко примотал наши рюкзаки к крыше. Потом, несмотря на все настойчивые

советы и инструкции от девушки, он разбросал по салону вещи, чем каким-то чудом сумел создать небольшую лауну, в которую мы с Кацем и забрались, попутно всяческим образом высказывая извинения и благодарности.

Ее звали Донной, и они направлялись в место с ужасающим названием Turkey Balls Falls или «Кун Слик», или что-то типа того. Это было в пятидесяти милях отсюда, но они с радостью согласились добросить нас до Хайавасси. Даррен ехал со скоростью 200 км в час, держа один палец на руле и качая головой в такт какой-то бесконечной песне. Она же повернулась назад, чтобы поговорить с нами. Она была потрясающе красива, чарующе красива.

– Вы уж нас извините. Мы празднуем, – и она подняла свой пластиковый стакан, словно чокаясь.

– Что вы празднуете? – спросил Кац.

– Мы завтра женимся, – с гордостью сообщила она.

– Серьезно? – сказал Кац. – Поздравляем.

– Ага, Даррен сделает из меня честную женщину.

Она взлохматила своему спутнику волосы, в порыве наклонилась и поцеловала. Сначала поцелуй был просто долгий, потом стал глубоким, затем откровенно страстным. Вдобавок она опустила руки в совсем неожиданное место (во всяком случае, мы так предположили), потому что Даррен резко ударился головой о крышу и отправил нас на короткий, но захватывающий тур по встречной полосе. После она повернулась к нам с туманным и плотоядным взглядом, словно спрашивая: «Ну, кто следующий?» Как мы чуть позже подумали, оно того стоило, ведь руки у Даррена были заняты.

– Эй, давайте выпьем! – внезапно предложила она, хватая бутылку за горлышко и оглядывая пол в поисках стаканов.

– О нет, спасибо, – сказал Кац, однако по нему было видно, что ей удалось его искусить.

– Брось! – подстрекала она.

Кац поднял руку:

– Я завязал.

– Да ты что? Поздравляю. Но за это нужно выпить!

– Нет, правда.

– А что насчет тебя? – сказала она мне.

– О нет, спасибо, – ответил я. Я все равно не мог освободить свои сдавленные руки, даже если бы и хотел выпить. Мне казалось, что я выгляжу как тираннозавр.

– Ты же не в завязке?

– Ну, типа того. Решился отказаться от алкоголя из чувства солидарности на какое-то время.

Она посмотрела на нас:

– Вы, ребята, что-то вроде мормонов?

– Нет, просто туристы.

Видимо, он ее убедил. Она понимающе кивнула и сделала глоток. Затем опять заставила Даррена подпрыгнуть.

Они высадили нас у Mull's Motel в Хайавасси. Старомодный, без изысков, явно не принадлежащий никакой из известных сетей, отель стоял на повороте дороги в центре города. Мы отчаянно их благодарили, даже пытались всучить им деньги за бензин, которые они категорически отвергли. Мы смотрели вслед их машине, вновь устремившейся с космической скоростью на оживленную автостраду. Могу поклясться, что видел, как Даррен опять ударился головой, пока они не исчезли

за небольшим холмом.

Так мы остались вдвоем на запыленной парковке отеля в забытом вшивом городишке на севере Джорджии.

Слово, которое врезается в память каждому туристу на севере Джорджии – избавление. В 1974 году Джордж Дикки написал книгу с таким названием, а затем по ней был снят фильм. Как вы можете помнить, в книге четверо мужчин средних лет из Атланты попали в беду, решив на выходные отправиться на каноэ по вымышленной реке Каулоусси (которая является пародией на реально существующую реку Чаттуга). «В каждой семье, которую я здесь встречал, как минимум один родственник сидит в тюрьме, – зловеще отмечает один из героев, подъезжая к городу. – Часть из них находится там за производство и продажу алкоголя, но большинство – за убийство. Они тут вообще ничего такого не видят в убийствах». И конечно же, все кончается тем, что их сначала обманывает, потом преследует, ловит и убивает пара сумасшедших фермеров.

Но до всех этих событий герои останавливаются в сонном, чахлам и просто некрасивом городишке, чтобы узнать дорогу. Могу предположить, что он писался с Хайавасси, потому что действие книги точно происходит в этом штате, а съемки проходили где-то в этом районе. Вдобавок известные музыканты-альбиносы, играющие на банджо в этом фильме, вроде как все еще живут в Клайтоне, который находится где-то рядом.

После публикации книга Дикки, как вы могли догадаться, вызвала в этом штате бурю недовольства. Один критик назвал ее «самым оскорбительным описанием жителей южных гор в современной литературе», что, если уж на то пошло, было преуменьшением, так как, по правде говоря, все остальные американцы всегда побаивались жителей северной Джорджии, уж за последних лет 150 я ручаюсь. Один историк XIX века охарактеризовал обитателей местных земель как «высоких, худых, мертвенно-бледных и столь же меланхолично-ленивых, как вареная треска». Другие свободно использовали эпитеты типа «развращенные», «грубые», «дикие», «отсталые», чтобы описать отчужденный и невоспитанный народ, проживающий в глубине темных лесов Джорджии и в его замшелых городишках.

Дикки сам был из Джорджии и хорошо представлял эти места. Он клялся, что описания в его книге являются чистой правдой.

Возможно, под влиянием книги, возможно, просто из-за времени суток, а может быть, лишь от того, что мы отвыкли от пребывания в маленьких селеньях, Хайавасси показался нам странным и несколько тревожащим. Примерно таким местом, где ты совсем не удивишься тому, что бензин в твою машину заливает циклоп. Мы пошли на стойку регистрации, которая была больше похожа на старую гостиную, чем на деловое место. Там мы увидели даму в возрасте с яркими белыми волосами и одетую в столь же яркое хлопковое платье, сидящую на диване у двери. Она была рада нас видеть.

- Здравствуйте, - сказал я. - Нам нужна комната.

Она улыбнулась и кивнула.

- Вообще, лучше две, если у вас есть.

Женщина опять улыбнулась и кивнула. Я ждал, что она встанет, но она не двинулась с места.

- На сегодня, - настойчиво пояснил я. - У вас есть свободные номера?

Ее улыбка стала еще шире, она схватила меня за руку и крепко вцепилась в нее, да так, что я почувствовал холод ее костлявых рук. Она просто смотрела на меня жадно и пристально, будто думала или, скорее, надеялась, что я швырну свою палку, чтобы она ее поймала.

- Скажи ей, что мы из Реального Мира, - прошептал мне на ухо Кац.

В эту секунду дверь раскрылась и в залу, вытирая руки о передник, вошла еще одна женщина с седыми волосами.

- С ней говорить бессмысленно, - сказала она вполне дружелюбно. - Она ничего не знает, ничего не говорит. Мама, отпусти мужчине руку. - Мама улыбнулась. - Мама, отпусти мужчине руку.

Моя рука была освобождена, и мы заселились в два номера. Мы взяли ключи и договорились встретиться через полчаса. Моя комната выглядела примитивно и потрепанно: ожоги от сигарет были на всех мыслимых и немыслимых

поверхностях, включая дверные косяки и туалетное сиденье; пятна на обоях и потолке рисовали в уме картину отчаянной смертельной схватки с участием большого количества кофе, но она показалась мне настоящим раем. Я позвонил Кацу и узнал, что его номер был еще хуже. Мы были безумно счастливы.

Мы приняли душ, надели самую чистую одежду, что смогли найти, и нетерпеливо направились к популярному соседнему ресторанчику под названием «Горный ресторан Джорджии». Парковка перед ним была заставлена грузовиками, а сам ресторан наполнен крупными мужчинами в бейсболках. У меня возникло чувство, что если бы я крикнул: «Братан, тебе тут звонят», то привстали бы все и сразу. Не скажу, что еда в этом ресторанчике была настолько вкусной, что определенно стоила посещения. Она была не лучшей даже по меркам Хайавасси, однако она точно имела разумную цену. За 5,5 долларов каждый из нас получил, как они это называют, «мясо и 3» (цифра три означала количество овощей), а также салат и десерт. Я взял курицу, фасоль, жареный картофель, и то, что в меню значилось как «брюква». До этого я никогда ее не ел и не уверен, что попробую когда-либо еще. Мы ели шумно, с удовольствием, и много раз просили добавки чая со льдом. Конечно, ключевым моментом пиршества стал десерт. В походе все мечтают о чем-то вкусном, обычно о сладком. Меня, например, поддерживала мысль о гигантском куске пирога. Его образ буквально завладел моим сознанием, и когда официантка подошла взять заказ, я с умоляющим взглядом, держа ее за руку, попросил принести самый большой кусок, который она могла бы отрезать, без риска быть уволенной. Она принесла мне громадный, липкий треугольник ярко-желтого лимонного пирога. Это был памятник всей пищевой технологии! Достаточно желтый для того, чтобы у вас разболелась голова, и достаточно сладкий, чтобы у вас закатились глаза – короче, все, что вы бы хотели получить от пирога при условии, что вкус и качество не входили в ваши требования. Как только я набросился на него, Кац нарушил долгое молчание, сказав с какой-то странной нервозностью:

– Знаешь, что я не могу перестать делать? Я не могу перестать всматриваться, не вошла ли сюда Мэри Эллен.

Я остановил полную блестящей и тягучей начинки вилку на полпути ко рту, взглянул на него и сперва не поверил своим глазам: его тарелка с десертом уже была пуста.

– Ты же не собираешься сказать, что скучаешь по ней, Стивен? – холодно спросил я, поднося пирог ко рту.

– Нет, – раздраженно ответил он, не оценив шутку. Он бессильно пытался отыскать слова, чтобы описать все свои смешанные чувства. – Мы же ее вроде как, сам знаешь, бросили, – наконец выпалил он.

Я задумался над таким обвинением.

– Вообще-то мы не вроде как бросили. Мы ее просто бросили. – Я совсем не разделял его чувств. – Ну и?

– Я просто как-то неловко себя чувствую... как-то неловко себя чувствую из-за того, что мы оставили ее одну в лесу. – И он скрестил руки, будто говоря: «Вот, я все сказал».

Я отложил вилку и задумался над его словами.

– Она сама пришла в лес одна, – сказал я. – Вообще-то мы не несем за нее ответственности, ты же понимаешь. То есть мы же не нанимались за ней следить.

Пока я это говорил, к своему ужасу, сам начал осознавать, что он прав. Мы бросили ее, оставили наедине с волками и медведями, им на потеху. Я был настолько поглощен своей дикой жадной едой и нормальной кровати, что даже не успел задуматься о том, что ей может сулить наш внезапный уход. А сулил он, как вы понимаете, ночь в одиночестве среди шелестящих листьями деревьев, темноту и постоянное желание прислушиваться, не скрипнет ли где веточка или палка под тяжелой ногой или лапой. Я бы никому такого не пожелал. Мой взгляд упал на пирог, и я понял, что больше не хочу его.

– Может, она нашла кого-то, с кем можно было продолжить путь? – неубедительно предположил я.

– Ты сегодня кого-нибудь видел?

Он был прав. За весь день мы не встретили ни души.

– Она, наверное, все еще идет, – сказал Кац неожиданно возбужденно, – недоумеваю, куда мы, черт возьми, пропали.

– Ой, перестань, – практически взмолился я, встревоженно отодвинув пирог еще на полдюйма.

Он сочувствующе кивнул, а после изменил выражение лица на удивительно обвинительное, будто всем своим видом говорил мне: «Если она умрет, это будет на твоей совести». Он был прав, ведь это был мой план. Моя вина.

Затем он наклонился ко мне и совершенно другим голосом спросил:

– Ты ведь не собираешься доедать свой пирог, могу я его взять?

Утром мы позавтракали в Hardee's, который обнаружили через дорогу от нашего отеля, и поехали на такси до поворота на тропу. Мы больше не говорили о Мэри Эллен, да и вообще ни о чем не разговаривали. Одна мысль о возвращении в лес после городского комфорта отбивала всякое желание говорить. Нам сразу же предстоял крутой подъем, поэтому мы начали медленно, почти робко. Я всегда ужасно себя чувствую в первый день похода после перерыва. Впрочем, Кац ужасно себя чувствует каждый день. Все наши восстановленные городом силы куда-то улетучились прямо на первых шагах. Уже через пару минут мне показалось, что мы и не сходили с тропы. Вообще-то было даже хуже, ведь обычно мне не приходилось карабкаться вверх с желудком, забитым жирным завтраком из Hardee's», который при первой же возможности просился наружу.

Мы уже полчаса как шли, когда встретили другого туриста – мужчину спортивного вида, который шел нам навстречу. Мы поинтересовались, не видел ли он девушку по имени Мэри Эллен в красной куртке с довольно громким голосом.

На его лице мелькнула тень осознания:

– Я не хочу показаться грубым, но та девушка, о которой вы говорите, не имеет привычки часто делать так? – Он зажал нос и издал пару ужасных звуков.

Мы активно закивали.

– Да, я переночевал с ней и парой парней вчера у Plumorchard Gap Shelter. – Он внимательно нас осмотрел и с сомнением спросил:

– Она ваша подруга?

– Нет, что вы, – ответили мы, открешиваясь от нее, как поступил бы любой разумный человек на нашем месте. – Она вроде как прицепилась к нам на пару дней.

Он понимающе кивнул и улыбнулся:

– Тот еще фрукт, неправда ли?

Мы улыбнулись в ответ.

– Все было настолько плохо? – спросил я.

На его лице отразилось выражение искренней боли. Затем, сопоставив все, он неожиданно сказал:

– Вы, должно быть, те самые ребята, о которых она рассказывала.

– Правда? – удивился Кац. – Что именно она рассказывала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18884119&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или

Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://telnovel.com/bill-brayson/progulka-po-lesam-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)